

Новая Родина

Жизнь стругокрасненских
эстонцев-переселенцев
в XIX–XX вв.

Алексей Фёдоров

**Новая Родина. Жизнь
стругокрасненских эстонцев-
переселенцев в XIX–XX вв.**

«Издательские решения»

Фёдоров А. И.

Новая Родина. Жизнь стругокрасненских эстонцев-переселенцев в XIX–XX вв. / А. И. Фёдоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967778-5

Со второй половины XIX в. на территории современного Струго-Красненского района Псковской области проживали эстонцы, которые обрели здесь новую Родину. В книге представлены историко-краеведческие исследования А. Н. Ефимова и С. А. Тамби, а также воспоминания О. М. Валге и А. И. Сакса.

ISBN 978-5-44-967778-5

© Фёдоров А. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Ефимов А. Н.2	9
Возникновение и развитие эстонских поселений	9
Религиозная жизнь эстонских поселенцев	14
Хозяйственная деятельность	18
Культурная жизнь и кухня эстонцев	24
Эстонские колонии	26
Пустошь Домкино	26
Пустошь Задорье	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Новая Родина

Жизнь стругокрасненских эстонцев- переселенцев в XIX—XX вв.

Редактор Алексей Иванович Фёдоров

Переводчик Алексей Борисович Намзин

© Алексей Борисович Намзин, перевод, 2019

ISBN 978-5-4496-7778-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

На территории Струго-Красненского района никто не удивляется таким названиям деревень, как Вейтлус, Тулевик, Эдази, многие до сих пор деревню Дубницы называют Уселла. Среди жителей района достаточно распространены фамилии Петмансон, Коор, Стальмейстер, Ханзинг... Все эти названия и фамилии, не характерные для России и русских, появились на территории района достаточно давно – более 100 лет назад благодаря эстонскому населению.

Ещё с середины XIX в. на территорию Гдовского и Лужского уездов Санкт-Петербургской губернии прибыли первые переселенцы из Эстляндской и Лифляндской губерний Прибалтийского края Российской империи. В связи с тем, что на родине ощущалась нехватка земли, а численность населения постоянно увеличивалась, то многие безземельные крестьяне охотно переселялись в западные области России, где получали земельный надел, отстраивали хутора, обрабатывали землю, содержали скот.

Эстонские переселенцы успешно вливались в существовавшее русское общество, хотя зачастую проживали достаточно компактными хуторскими общинами, но постепенно практически ежедневное общение между русскими и эстонцами объединило их в самых различных направлениях жизни. Активное взаимопроникновение культур на территории Лужского и Гдовского уездов привело к тому, что некоторые этнографы выделяют проживавших здесь эстонцев в отдельную этнографическую группу. Эстонские переселенцы обрели здесь новую Родину.

На территории современного Струго-Красненского района в 1920-е гг. количество эстонцев составляло до 15% от численности населения. В дальнейшем их количество только сокращалось. В 1920-е гг. согласно советско-эстонскому мирному договору эстонцы из Советской России могли выехать на родину. Для этого опанты подавали необходимые документы. Многие в те годы переехали в Эстонию, хотя массового переселения не состоялось, многим было отказано. В 1940-м г. Эстония вошла в состав СССР, уже через год началась Великая Отечественная война. В период с 1940 по 1943 г. проходила вторая волна миграции эстонского населения обратно в Эстонскую ССР.

Многие эстонцы остались жить на территории Струго-Красненского района, но постепенно обрусели. Самоидентификация человека происходит в первую очередь по языковому признаку, а использование эстонского языка даже на бытовом уровне к 1970-м гг. практически полностью сошло на нет в среде стругокрасненских эстонцев.

Но всё же до сих пор культура эстонского населения на территории района имеет свои проявления. Естественно, жизнь меняется, в том числе и в сфере культуры, и в традициях, но всё-таки важно не растерять историческую память поколений – основу самосознания личности. Каждый человек должен ощущать себя причастным к предыдущим поколениям, к их делам, их жизни и культуре. Тогда складывается целостная личность, основой которой является мудрость и опыт его предков и предшественников.

В первой части книги представляются историко-краеведческие исследования А. Н. Ефимова и С. А. Тамби, в которых отражены многие события, происходившие на территории района, прослежены определённые тенденции, отражена жизнь и судьба эстонских переселенцев и их поселений более чем за 100 лет.

Во вторую часть книги помещены воспоминания Освальда Валге и Августа Сакса.

Обширные воспоминания Освальда Валге – уникальный источник по изучению жизни эстонских переселенцев. Вместе со своими родителями О. Валге ребёнком переехал из Эстонии на территорию современного Струго-Красненского района и до самой своей смерти проживал здесь. В его жизни было множество испытаний: он участвовал в Первой мировой войне,

в революционных событиях 1917 г., пострадал от репрессий, пережил коллективизацию, оккупацию в период Великой Отечественной войны, активно участвовал в восстановлении разрушенного войной сельского хозяйства. Всё это нашло отражение в его воспоминаниях.

В преклонном возрасте О. Валге писал небольшие рассказы-воспоминания и даже стихи на эстонском языке. Часть его рукописей была передана в руки известного эстонского режиссёра и сценариста Тыниса Каська (Tõnis Kask, 1929—2016), который попросил О. Валге подробно описать свою жизнь. Рукопись была передана Т. Каську в Таллине, когда Освальд Валге навещал свою сестру Эмилию, и осталась у него. Впоследствии потомки О. Валге уже после его смерти получили машинописный вариант мемуаров. Дочь Освальда Валге – Миральда Освальдовна пыталась перевести труд отца на русский язык, но до конца этого сделать не смогла. Внучка О. Валге – Ирина Ивановна Петмансон передала текст журналисту и переводчику Алексею Борисовичу Намзину, и в 2018 г. воспоминания Освальда Валге были полностью переведены на русский язык и публикуются впервые.

Также впервые публикуются воспоминания Августа Ивановича Сакса, который родился в пустоши Затобенья (ныне на территории Гдовского района Псковской обл.) и до 1928 г. проживал там. Затем был призван в армию, после которой учился в Ленинградском энерготехникуме, работал в Ленинграде и области. С началом Великой Отечественной войны жил и работал в блокадном Ленинграде, и во время самой тяжёлой блокадной зимы 1941—1942 гг. в феврале 1942 г. был призван в Красную армию. В звании младшего лейтенанта Август Сакс участвовал в боевых действиях по освобождению от немецко-фашистских захватчиков территории Эстонии и Латвии. Приказом по 249-й Эстонской стрелковой дивизии за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество командир взвода связи младший лейтенант Сакс был награждён орденом Красной Звезды.

Выдержка из наградного листа: *«22 марта 1945 года, действуя в составе 1-го батальона 921-го стрелкового полка в должности командира взвода связи тов. Сакс А. И. проявил себя мужественным и храбрым командиром. Батальон вёл бои левее мызы Каулаци (Курляндия, Латв. ССР), за железной дорогой. Пехота противника совместно с танками пыталась обойти батальон с флангов и взять в кольцо. Для этого противник в ночь на 23 марта 1945 г. предпринял 7 контратак. Мужественно отражая контратаки тов. Сакс в ходе боя уничтожил из автомата до 10 солдат противника. Несмотря на создавшуюся тяжёлую обстановку для батальона тов. Сакс на протяжении всего боя обеспечил непрерывную связь»¹.*

После окончания войны Август Сакс жил и работал в Таллине.

В 1967—1968 гг. Август Сакс написал воспоминания о своей жизни. Рукопись была перепечатана и размножена среди членов баптистской общины Таллина. Родственник Августа Сакса, Бенно Сильд получил экземпляр от племянника Августа, Оскара Сакса и передал воспоминания для перевода и публикации. Они не настолько объёмны, как мемуары О. Валге и на них серьёзно повлияло то обстоятельство, что А. Сакс в детстве и после 50-летия являлся активным последователем церкви евангельских христиан-баптистов, что наложило свой отпечаток на содержание мемуаров. Бенно Сильд вспоминает, что члены общины христиан-баптистов приходили к Саксу и перечитывали его воспоминания, Август больше писал о своей семье и условиях жизни, но члены общины желали, чтобы он более отражал Божью помощь.

Отрадно то, что взаимоотношения между соседними государствами Россией и Эстонией развиваются, а не переходят в стадию застоя и деградации. Примером тому может служить визит в Москву и встреча с Владимиром Путиным президента Эстонии Керсти Кальюлайд (Kersti Kaljulaid), прошедшая 18 апреля 2019 г., на которой обсуждались экономические

¹ ЦАМО Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3229. ЛЛ. 112, 141.

и политические вопросы. Общение в сфере культуры никогда не прекращалось, но важно развивать и это направление, выходить на новый уровень и в данной сфере взаимоотношений. «Культурное сотрудничество и диалог, которые будут способствовать контактам между творческими людьми, а также деятельности, направленной на сохранение культурного наследия обеих стран, по-прежнему важны для развития», – отмечал канцлер Министерства культуры Эстонии Тарви Ситс (Tarvi Sits) 1 марта 2019 г. при подписании Программы сотрудничества России и Эстонии в культурной сфере.

В результате данной работы культурные связи между Россией и Эстонией продолжают крепнуть. Надеюсь, что и данная книга послужит дальнейшему укреплению межгосударственных и личных связей. А главное, необходимо помнить, что на западном и восточном берегу Чудского озера живут не только соседи и друзья, но и родственники.

*Алексей Фёдоров,
член Союза краеведов России*

Ефимов А. Н.²

Эстонские поселенцы на Стругокрасненской земле

Возникновение и развитие эстонских поселений

В первой половине прошлого века среди национальных меньшинств, проживавших на территории современного Струго-Красненского района Псковской области, выделялись эстонцы. Массовая миграция эстонского населения вглубь России началась в середине XIX в. из Эстляндской и северной части Лифляндской губерний, которые в то время составляли территорию нынешней Эстонии. Значительная масса эстонских переселенцев осела на территории к востоку от Чудского и Псковского озёр – в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях. Нехватка земли, а то и вовсе безземелье на родине заставило эстонских крестьян искать лучшую долю на чужбине. Они селились в малоосвоенных и лесистых местах, где была низкая цена аренды земли или её выкупа в частную собственность. Первоначально переселенцы были вынуждены ютиться в землянках или шалашах, терпеть нужду и голод. Они пилили лес, жгли подсеку и корчевали пни на месте будущей пашни, затем обрабатывали землю с помощью сохи и бороны-суковатки. Конечно же, не у всех получалось с первого раза осесть на месте, те, у кого земля давала плохой урожай, продавали свои участки земли другим переселенцам и селились на новом месте, либо шли служить на помещичьи мызы. Только спустя годы, благодаря трудолюбию и упорству эстонских поселенцев, появились хутора с добротными домами, хозяйственными постройками и яблоневыми садами.

Несколько очагов расселения эстонцев (их называли тогда эстами) сформировались на территории современного Струго-Красненского района Псковской области. Первые эстонские переселенцы, согласно последних обнаруженных данных, обосновались в 1863 г. в пустоши Домкино и в 1860 г. в пустоши Масникова Гора. Впоследствии эстонские хутора возникли в пустошах Задорье, Сёлкино, Корсаково, Зрекино, Березняк, Драничник, Тетёрка, Погорелка, Троерожник, Нишева, Щир-Горка, Холохино, Воробьёво, Головково, Дубницкая, Луг-Лог (Серётка), Пустопержа, Шталя, Маяково, Сверётово, Павлюковская Дача, Нестерицы и др. В то время эти земли относились к Полновской и Узьминской волостям Гдовского уезда, Яблонцевой и Соседненской волостям Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии, а также к Горской волости Порховского уезда Псковской губернии. Подавляющее большинство эстонцев, селившихся в пределах современной территории Струго-Красненского района, были родом из Лифляндской губернии, в частности из Верроского, Юрьевского (Дерптского), Перновского и Феллинского уездов (ныне уезды Вырумаа, Тартумаа, Пярнумаа и Вильянди-маа Эстонии).

Находясь вдалеке от своей исторической родины, эстонцы сохраняли в России национальное самосознание, язык, религию, культуру и обычаи. Так как большая часть эстонских переселенцев были из юго-восточных районов современной Эстонии, то и говорили они, в основном, на вырусском диалекте, который заметно отличается от литературного эстонского языка. Но среди поселенцев также были носители мультыгского, тартуского и северо-эстонского диалектов, поэтому в обиход эстонцев, говоривших на вырусском диалекте, вошли

² Ефимов Алексей Николаевич – инженер, краевед. Родился 25 февраля 1970 г. в пос. Струги Красные, окончил Псковский строительный техникум (1989), Псковский политехнический институт (2005). Автор трёх книг, соавтор нескольких энциклопедических изданий, опубликовал более 90 статей краеведческого характера.

слова из вышеназванных говоров. Особенности этнической культуры эстов, поселившихся на сопредельных территориях Санкт-Петербургской и Псковской губерний, их язык, религия, традиции, а также влияние на всё это иноязычной культуры способствовали тому, что здесь начала формироваться особая этническая группа. Некоторые исследователи-этнографы выделяют эстонцев, проживавших на обширной территории от восточного побережья Псковско-Чудского озера до бассейна реки Луги, в отдельную этнографическую группу и называют их лужскими эстонцами.

Уже в самом начале XX в. началось взаимодействие культуры лужских эстонцев и местной русской культуры, уже тогда совершались браки между эстонцами и русскими, об этом свидетельствуют метрические книги. Этнограф М. Л. Засецкая в своей статье указывала, что уже в начале прошлого века лужские эстонцы начали воспринимать многие элементы праздничной русской и православной культуры. Подобно русским крестьянам они на Пасху красили яйца, в Троицу приносили в дом берёзу, а на масляной неделе пекли блины. Уже тогда в быту эстонские поселенцы стали произносить свои имена на русский манер. Даже при составлении метрических книг пасторы частенько записывали их русскими именами. Например, Иоганн (Йохан), Ян и Юган становились Иванами, Йозеп (Йосеп) и Освальд – Осипами, Видрик, Фридрих (Фриц) и Эдуард – Фёдорами, Якоб и Яак – Яковами, Гендрик (Хиндрик) – Андреем или Григорием, Густав – Кузьмой, Вольдемар – Владимиром, Мадис – Матвеем, Мярди – Мартыном, Тынис – Денисом, Ганс – Антоном, Мидри – Дмитрием, Вальтер – Валентином, Рихард – Виктором, Михкель – Михаилом, Петер и Пеедо – Петрами, Юлиус и Юрий – Егороми, Рейн – Романом, Пауль – Павлом, Вильгельм – Василием или Филиппом и т. д. У женщин чаще всего встречались такие имена, как Альвина, Анна, Мария, Эмилия, Кадри, Минна, Линда, Эмма, Кристина, Ида, Альма, Эльза, Юганна, Лизетта, Розалия, Армильда, Леена, Анетта, Эрна, Каролина, Занна, Эльфрида, Сальма, Юлия, Миральда, Вильгельмина, Майя, Лотта, Лиза, Тиина, Амалия, Паулина, Эльфрида, Хендрика, Алида, Марта и др.

Эстонские поселенцы не забывали свою родину, держали связь с родственниками и даже ездили к ним в гости, об этом свидетельствуют и устные свидетельства, и почтовая переписка. Например, в семейном архиве жительницы посёлка Струги Красные Эльны Петровны Афанасьевой, урождённой Орро, сохранилась почтовая карточка, отправленная из города Юрьева Лифляндской губернии по адресу: Санкт-Петербургская губерния, станция Новоселье, Соседненская волость, Мясникова-Гора, господину А. Раудсеп. Послание в открытом письме гласит: «Дорогая двоюродная сестра! Открытку получил. Благодарю! На Яанов день приехать в Россию никак не получится. У нас здесь большой праздник, на котором я обязательно должен быть. Пусть лучше кто-то из вас приедет сюда. Сам я здоров и остальные в семье тоже. С приветом, Август. 29.05.1909 г.»

По оценке этнографа Августа Ниголя в 1918 г. эстонские общины в Домкино, Задорье, Стругах-Белой, Пустоперже, Горе, Симанском Логу и Серёдке (Луг-Лог) насчитывали 6500 эстов, кроме того, в Масниковой Горе, Маяково, Узьмино и Погорелке проживало ещё около 160 эстонских семей, т. е. общее количество эстов в этих населённых местах было не менее 7000 человек. По данным Всероссийской переписи 1920 г. в Струго-Красненской, Яблонецкой, Соседненской, Заклинской, Узьминской и Горской волостях эстов насчитывалось 7481 или 18,3% от общего числа жителей этих волостей. Самый большой процент числа эстов относительно общего населения – 35,2% – был в Узьминской волости Гдовского уезда. По данным переписи 1926 г. в укрупнённых Струго-Красненской, Узьминской, Соседненской и Горской волостях проживало 8685 эстов или 16,6% от общего числа жителей этих волостей. Больше всего эстов по-прежнему было в Узьминской волости – 3522 из 9757 жителей волости. Всего же на территории созданных в 1927 г. Струго-Красненского и Новосельского районов по переписи 1926 г. насчитывалось 9202 эста. На 1 января 1934 г. в Струго-Красненском районе (вкл. упразднённый тогда Новосельский район) проживало 7520 эстонцев. На тот момент

эстонцев больше всего проживало в Домкинском (986 чел.), Подольском (590 чел.), Могутовском (467 чел.), Лейнерском (452 чел.), Озерёвском (436 чел.) и Дубницком (422 чел.) сельсоветах укрупнённого Струго-Красненского района. На территории Струго-Красненского поселкового Совета эстов насчитывалось 660 человек. Если сравнить данные за 1926 г. и за 1934 г., то видно, что за 7 лет общая убыль численности эстонцев составила около 1700 человек, в основном, из-за раскулачивания.

Благоприятным временем для эстонских поселенцев стали годы НЭПа, когда крестьяне смогли улучшить своё экономическое положение. Многие эстонские хозяйства имели наделы от 20 до 40 десятин земли, а некоторые и до 50 десятин. Как правило, такие хозяйства держали по 2 лошади, по несколько голов коров, овец и свиней, имели каменные надворные постройки и сложные сельскохозяйственные машины, открывали мелкие промышленные заведения, нанимали батраков из числа эстонцев-бедняков. В 1920-е гг. в Струго-Красненском районе из 49 водяных мельниц эстонским поселенцам принадлежали 30, также они владели 4-мя ветряными мельницами (в пустошах Домкино, Петриха, Березняк и Дубницкая). В Новосельском районе в то время из 30 водяных мельниц эстонцы содержали 12 мельниц, а также одну ветряную мельницу в пустоши Аксово. На эстонской карте 1938 г., для составления которой были использованы данные конца 1920-х гг., значатся ещё несколько ветряных мельниц: в пустоши Кочербуж, в пустоши Овчино и по две в пустошах Сёлкино, Корсаково и Пустопержа, однако фамилий владельцев этих ветряных мельниц выяснить не удалось. На сегодняшний день на территории Струго-Красненского района выявлено и локализовано 29 каменных хозяйственных и промышленных зданий и 10 каменных погребов, построенных эстонцами. Практически все памятники материальной культуры эстонцев были уничтожены в годы Великой Отечественной войны: их жилые дома, надворные хозяйственные постройки, культовые сооружения, водяные и ветряные мельницы, орудия труда, домашняя утварь. За исключением здания Домкинской церкви, не сохранило время и постройки, возведённые эстонцами из булыжного камня и кирпича. Не осталось следа и от хлебородных нив, которые с таким трудом эстонские поселенцы отвоёвывали у леса и которые потом стали колхозными полями, ныне они снова или зарастают мелколесьем и кустарником или уже стали полноценными лесными угодьями.

С начала 1920-х гг. советские власти стали проводить политику коренизации. В рамках этой политической и культурной кампании создавались национальные административно-территориальные единицы, расширялась сеть национальных школ, для нацменов открывались культурные учреждения. В 1927 г. после образования Струго-Красненского района в члены райисполкома (РИКа) были включены и представители от эстонских поселенцев: Густав Наруск, крестьянин из пустоши Живоглуты и Ян Кару, крестьянин из пустоши Погорелка. К октябрю 1927 г. в Струго-Красненском районе работали 8 эстонских школ I-й ступени, Масниковская 6-летняя школа и 6 эстонских красных уголков. В феврале 1931 г. в Струго-Красненском районе были образованы Домкинский и Дубницкий национальные эстонские сельсоветы, в 1936 г. такой же статус получил Подольский сельсовет. В Новосельском районе по сведениям за октябрь 1927 г. работали 4 эстонских школы I-й ступени, 2 эстонских избычитальни и 2 красных уголка. В 1928 г. были созданы два национальных эстонских сельсовета – Могутовский и Пустопержский (Лейнерский). В 1934 г. в укрупнённом Струго-Красненском районе имелось 17 эстонских школ, в т. ч. Домкинская и Маяковская неполные средние школы. С начала марта 1932 г. при районной газете «Колхозная стройка» начала выходить страничка на эстонском языке. В 1935/36 учебном году в Струго-Красненском районе работали 10 эстонских начальных школ, Струго-Красненская и Домкинская эстонские неполные средние школы, в Новосельском районе – 3 начальные школы, Луг-Логская и Маяковская неполные средние школы.

Коллективизация сельского хозяйства привела к коренному изменению уклада жизни эстонских крестьян. В первые годы колхозного строительства хуторяне могли вступать в колхозы, не переезжая с хуторов в деревни. К маю 1934 г. в укрупнённом Струго-Красненском районе функционировало 30 эстонских колхозов. Постепенно колхозный строй стал неотъемлемой частью жизни эстонских поселенцев, среди них было немало и таких колхозников, которые в 1930-е гг. показывали примеры стахановского труда. Например, Август Варуск из колхоза «Искра» Дубницкого сельсовета вспахивал ежедневно по 0,64 га вместо 0,5 га по норме, а Эрнест Мярда из колхоза «Уус-Эллу» того же сельсовета вспахивал каждый день по 0,6 га вместо 0,4 га по норме. Альвина Пярн из колхоза «Первомайский» на бороньбе при норме 2 га ежедневно обрабатывала по 3 га пашни. Альфред Уйбо из колхоза «3-й Интернационал» во время машинной жатвы каждый день сжинал по 3,5—4 га хлебов вместо 2,5 га по норме. Тракторист Новосельской МТС Рудольф Юпец на тракторе ХТЗ при норме на вспашке 2,9 га ежедневно выполнял по 4—4,5 га, а на сеялке – по 34 га в день. Но коллективизация изменила не только экономический уклад жизни эстонских поселенцев, она уничтожила целый социальный слой крестьян-единоличников с его культурой, нравственными устоями и ценностями.

В 1937—38 гг. в эстонских хозяйствах была репрессирована подавляющая часть взрослого мужского населения. По устным свидетельствам в декабре 1937 г. местные власти предложили почти ста главам эстонских, латышских и русских семейств из Лейнерского сельсовета явиться вместе с лошадьми на станцию Новоселье, обратно домой они уже не вернулись. В пустоши Домкино из 74 глав эстонских хозяйств, живших в начале коллективизации, к концу репрессий осталось только несколько человек. Репрессии унесли жизни и простых колхозников, и многих руководителей колхозов, бригадиров, передовиков сельского хозяйства, школьных учителей, работников потребительской кооперации. В конце 1930-х гг. политика коренизации была свёрнута. В 1939 г. Домкинский, Могутовский и Лейнерский национальные эстонские сельсоветы были ликвидированы полностью, а Дубницкий и Подольский преобразовали в обычные сельсоветы. В школах прекратилось обучение на эстонском языке. В декабре 1937 г. по решению заседания бюро Ленинградского обкома ВКП (б) перестали выходить газетные полосы на эстонском языке в районной газете «Колхозная стройка». В 1939 г. произошла массовая ликвидация хуторов, которая очень больно ударила по образу жизни эстонских поселенцев. Этнограф М. Л. Засецкая писала, что уничтожение хуторского типа хозяйства у лужских эстонцев привело к распаду традиционного крестьянского комплекса домашних ремёсел и выходу из употребления многих традиционных навыков и орудий труда. Также распались прочные и постоянные торгово-культурные связи между эстонскими поселенцами. Всё это самым отрицательным образом сказалось на уровне самосознания, привело к отмиранию многих обрядов, традиций и привычек.

В годы Великой Отечественной войны многие уроженцы Струго-Красненского района из числа эстонских поселенцев ушли на фронт или в партизаны. Были, конечно же, и такие, кто подался в услужение к немцам, одни принимали такое решение самостоятельно, другие под страхом расстрела семьи. На фронте за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков погибли: Эдуард Осипович Везо (1907—1941), Эльмар Кузьмич Люйс (1908—1942), Артур Оскарович Валк (1916—1943), Герман Эдуардович Лейф (1916—1942), Александр Робертович Рузу (1908—1942), Юлиус Данилович Тегов (1910—1944), Георгий Августович Тенно (1908—1944), Карл Крестьянович Эдас (1911—1944), Ян Генрихович Варуск (1910—1944), Арнольд Августович Каллас (1915—1944), Эрнест Янович Петмансон (1909—1944), Арнольд Эдуардович Лухт (1917—1944), Оскар Петрович Соррок (1907—1944), Карл Яковлевич Наруск (1913—1944), Леонард Михайлович Хансон (1911—1942), Рихард Михайлович Эдас (1922—1944), Альфред Августович Виск (1924—1944), Леонид Юлисович Пирак (1911—1944), Владимир Иванович Лаксберг (1920—1945), Юлиус Осипович Миллер (1906—1945), Виктор Антонович Рекк (1921—1945), Иван Карлович Топпер (1913—

1943), Карл Иванович Сталмейстер (1912—1944), Павел Осипович Серг (1910—1945) и многие др. В годы войны погибли партизаны: Альфред Иванович Пикк (1922—1941), Фёдор Осипович Пяйд (1926—1944), Юган Петрович Нарусбек (1914—1944), Карл Янович Хютт (1921—1944), Фёдор Кузьмич Кург (1923—?), Эрнест Эдуардович Саар (1921—?) и др. Многих эстонцев фашисты в 1942—43 гг. угнали на работы в Германию или Эстонию, от их рук погибли мирные граждане: Рудольф Тоцман (?—1943), Август Зисс (1873—1943), Иван Кепс (?—1943), Розан Керман (1918—1943), Елена Зисс (1871—1943), Альвина Миккель (1872—1944), Елена Пиир (?—1944) и др.

После освобождения района жители эстонских селений включились в восстановление разрушенного войной хозяйства. Начиная с 1946 г. эстонским семьям было разрешено переселяться в Эстонскую ССР, часть эстонцев воспользовались этим, остальные остались жить на территории Струго-Красненского района. В дальнейшем число эстонцев на Стругокрасненской земле из-за обратного переселения в Эстонию, естественной ассимиляции и переселения молодёжи в города сократилось в разы. Так по переписи 1959 г. насчитывалось 639 эстонцев или 2,44% от общего числа жителей района, а по переписи 1989 г. это число уменьшилось до 0,92%, тогда в районе проживал 151 эстонец. В послевоенное время произошло сближение и частичное слияние оставшихся эстонцев с иноязычной средой, приобщение к образу жизни, обычаям и традициям окружающего русского населения. К 14 октября 2010 г. в Струго-Красненском районе оставалось 52 эстонца. На сегодняшний день можно говорить о том, что самобытная эстонская культура на Стругокрасненской земле угасает, её носителями остаются, в основном, люди старшего поколения. Однако нет сомнения, что выходцы из Эстонии за полтора прошедших столетия оставили глубокий след в истории нашего края и внесли весомый вклад в его культурную жизнь.

Религиозная жизнь эстонских поселенцев

В большинстве своём эстонцы были лютеранами. Расселяясь в новых местах, они создавали евангелическо-лютеранские общины, строили церкви и молитвенные дома. К началу 1920-х гг. эстонцы располагали на территории нынешнего Струго-Красненского района тремя лютеранскими церквями (кирхами) в пустошах Домкино, Задорье и Пустопержа и пятью молитвенными домами в пустошах Масникова Гора, Сёлкино, Луг-Лог (Серётка), в селе Гора и на станции Струги-Белая. Эстонские общины в пустошах Домкино, Задорье, Масникова Гора и Сёлкино относились к евангелическо-лютеранскому приходу Святой Троицы в г. Гдов. С 1882 по 1915 г. в Гдовском приходе служил пастор Иван Егорович (Иоханнес-Юлиус) Гаумбольдт (04.02.1855—?), он духовно опекал филиальные общины. В состав евангелическо-лютеранского прихода Святого Иакова в г. Псков входили филиальные эстонские общины в селе Гора и в пустошах Луг-Лог (Серётка) и Пустопержа. С 1876 по 1909 г. в Псковском приходе Святого Иакова служил пастор Герман Карлович Брезинский (14.05.1839—05.09.1910). В 1910—13 гг. пастором Псковского прихода был Гаральд Константинович Горнберг, в 1913—15 гг. – Фридрих Карлович Дрекслер, с 1915 г. – Густав Матисон. В 1922—28 гг. пастором Псковского прихода являлся Михаил Лаппинг (26.03.1869—12.04.1932), в 1929—37 гг. – Александр Карлович Мигле (13.09.1896—15.12.1937).

К евангелическо-лютеранскому приходу Христа Спасителя в г. Луга относилась эстонская община на станции Струги-Белая. Лужский приход в свою очередь являлся филиальным по отношению к приходу Святого Николая в Гатчине. С 1888 по 1926 г. пастором Гатчинской церкви Святого Николая был Оскар Густавович Пальза (21.04.1863—29.10.1926), он же с 1890 г. служил и в Лужской эстонской церкви. С самого начала XX в. пастор О. Г. Пальза также духовно окормлял лютеран, проживавших на станции Белая (с 1905 г. – Струги-Белая), в Яблонецкой волости и на части территорий Соседненской и Узьминской волостей. Он проводил службы, обряды крещения, конфирмации и венчания в Струго-Бельском молитвенном доме, бывал в пустошах Масникова Гора, Щир-Горка, Холохино, в Луговской пустоши, где на дому тоже крестил детей. Гдовский, Псковский и Лужский приходы относились к Санкт-Петербургскому евангелическо-лютеранскому консисторальному округу, поэтому прихожане могли крестить своих детей, совершать причастие и проходить конфирмацию в любом из приходов этого округа, что они и делали. Пасторы физически не могли охватить своим служением всю находящуюся в их ведении территорию, поэтому им помогали кистеры и простые миряне, которые по нужде совершали на местах обряды крещения, утверждавшиеся потом по приезду пастором, а также обряды погребения. Исполнять некоторые церковные обряды простым мирянам разрешалось согласно лютеранскому вероучению о всеобщем священстве всех верующих.

Пастор Псковского прихода Герман Брезинский

Для прихожан лютеранской церкви период НЭПа тоже явился временем спокойного существования. Однако с 1929 г. священнослужители и верующие стали подвергаться репрессиям. Начавшемуся этапу сплошной коллективизации повсеместно сопутствовало «раскулачивание» не только зажиточных крестьян, но и служителей культа, а также закрытие церквей и молитвенных домов. В результате репрессий к концу 1930-х гг. лютеранские общины в Струго-Красненском и Новосельском районах распались, а все эстонские лютеранские церкви и молитвенные дома по решению советских властей были закрыты. По устным свидетельствам действующими оставались только лютеранские часовни на кладбищах в Домкино и Вейтлусе, в которых верующие не только поминали усопших, но и читали молитвы и произносили проповеди. Многие пасторы, кистеры и члены церковных двадцаток были арестованы и либо расстреляны, либо высланы в Сибирь, на Урал, в Мурманский край или на территорию современной Новгородской области. Та же участь постигла и мужчин – глав семейств, имевших зажиточные хозяйства. Оставшиеся глубоко верующие лютеране собирались на кладбищах, нелегально проводили богослужения в частных домах. Проповедовали тогда простые миряне или, например, бывшие кистеры, которым удалось избежать расстрела или ссылки.

Ликвидация лютеранских общин, и, как следствие этого, прекращение проведения конфирмации самым отрицательным способом сказались на системе народного воспитания и традиционной практике общения эстонской молодёжи. М. Л. Засецкая указывала, что в результате этого у лужских эстонцев снизился процент этнически однородных браков, стал исчезать институт домашнего обучения родному языку, сократилось число активно владеющих родным языком. Только, в основном, в религиозных семьях продолжали торжественно отмечать религиозные праздники, в таких семьях сохраняли не только лютеранскую веру, но и эстонский язык, и национальную эстонскую идентичность. В послевоенный период богослужения и обряды нередко проводились женщинами. На Задорьевском и Мосниковском эстонских кладбищах были построены часовни, в 1975 г. была построена новая часовня на Домкинском эстонском кладбище. Эти кладбищенские часовни местные жители называли «певальнями» (от слова «петь»). Ежегодно до 1991 г. из Эстонии в Домкино на Святую Троицу и в Задорье в День Святого Духа приезжали потомки местных лютеран вместе с пастором, они произносили проповеди и враспев читали в часовнях молитвы по усопшим и общие молитвы. В Рождество Иоанна Крестителя (Яанов день), 24 июля, лютеране из Эстонии посещали Мосниковское эстонское кладбище. По устным свидетельствам потомки эстонцев-лютеран также приезжали на эстонское кладбище в деревне Вейтлус, на Луговское кладбище в урочище Луг-Лог и на бывшее Екатерининское кладбище в урочище Пунане-Кюльвая (ранее пустошь Пусто-пержа).

Пастор Гатчинского и Лужского приходов Оскар Пальза

В чём же сходство и отличие лютеранской веры и православной веры? Богослужение у лютеран совершается по воскресениям и великим праздникам, оно состоит из чтения определённых молитв, проповеди, пения гимнов под органную музыку. На литургии – главном воскресном богослужении – присутствует общая исповедь, чтение Святого Писания, проповедь, чтение Символа веры, причастие. Лютеране признают два таинства: крещение и причастие. Из церковных обрядов проводятся конфирмация, венчание, отпевание и ординация. Для лютеранской церкви важным является обряд конфирмации, на котором девушки и юноши публично свидетельствуют о своей вере и получают благословение от пастора. Конфирмация состоит из исповедания веры конфирмантом, нравоучительной речи к нему пастора и молитвы о нём, прочитываемой пастором. Конфирмация является одной из форм благословения молодых людей в их дальнейшей жизни как христиан и прихожан церкви.

В лютеранской церкви существуют различные богослужебные традиции. Отличительной чертой богослужения является пение хоралов и активное участие общины в литургии. Священники отличаются от мирян только тем, что являются пасторами (проповедниками), которые не обладают никакими особыми отличительными признаками или властью. Пасторы управляют общиной, преподают и проповедуют Слово Божье, приобщают святых таинств. В богослужении пасторам помогают кистеры (нем. *küster* – пономарь), которые к духовенству не причисляются. Кистер открывает и закрывает церковь, зажигает свечи, осуществляет подготовку к литургическим песнопениям, следит за колоколами, ухаживает за алтарём. Кистеры и простые миряне могут по нужде проводить службы, крестить детей и отпевать усопших без участия пастора.

В каждой лютеранской церкви имеется алтарь и кафедра для проповеди. Алтарь в лютеранской церкви не закрыт от верующих иконостасом, символизируя тем самым, что между Богом и людьми, благодаря жертве Иисуса Христа, нет никакой преграды. На алтаре, как правило, стоит освящённое свечами распятие, лежит Библия, стоят чаша с вином и сосуд с хлебом для совершения Таинства Причастия. Рядом с алтарём располагается крестильная чаша. В церквях вместо икон присутствуют картинные изображения, фрески и витражи на библейские темы. Центральным украшением лютеранской церкви является крест, который лютеране называют «Древом жизни». Во время богослужения верующие обычно сидят на скамьях, чтобы ничто не мешало сосредоточенному восприятию проповеди. Вставать со скамей или опускаться на колени принято только во время молитвы или в особо важные и торжественные моменты литургии. На богослужении используется орган.

Важнейшие церковные праздники у православных и лютеран в основном совпадают, но различаются датами. Рождество Христово лютеране отмечают вместе с католиками в ночь на 25 декабря. Лютеранская Пасха отмечается в воскресенье вслед за первым полнолунием, наступившим после дня весеннего равноденствия (20 марта). День Святого Духа у лютеран празднуется на 50-й день после Пасхи, одновременно с Пятидесятницей (всегда в воскресенье), а День Святой Троицы празднуется через неделю после Пятидесятницы, на 57-й день после Пасхи. Рождество Иоанна Крестителя или Яанов день всегда празднуется 24 июня. Лютеране почитают Деву Марию, но не поклоняются ей, как первой среди святых. В День святого Мартина или Мартынов день, который празднуется 10 ноября, они чтят память своего вероучителя Мартина Лютера. Среди других церковных праздников лютеране отмечают, например, Богоявление или Эпифанию (6 января), День святого Антония или Тынисов день (17 января), День святого Георгия или Юрьев день (23 апреля), День Аугсбургского вероисповедания (25 июня), День святых апостолов Петра и Павла (29 июня), День святого Михаила или Михкелев день (29 сентября), День Евангелиста Луки (18 октября), День Реформации

(31 октября), День святой Катарини или Кадрин день (25 ноября), День святого Фомы или Тоомасов день (21 декабря) и др.

Хозяйственная деятельность эстонцев-хуторян

Все хуторские постройки эстонцы строили по периметру открытого двора. У себя на родине эстонцы, в основном, возводили традиционные жилища – жилые риги, в которых под одной крышей располагались курная изба (она же рига), гумно и камора. В риге стояла печь, здесь крестьяне сушили снопы, и здесь же они жили в зимнее время. На гумне обмолачивали зерно, веяли его, здесь же хранились сани, дровни, телеги и другой сельскохозяйственный инвентарь. Зерно провеивали обычно на ветру через решета, подвешенные в открытых воротах гумна; сначала через редкое, затем через частое решето. Каморы служили кладовыми, а в летнее время их использовали под жильё. В России эстонцы, в основном, ставили жилой дом отдельно от гумна. После переселения эстонцы старались в первую очередь построить гумно с ригой, затем хлебный амбар, и только потом жилой дом. Рига (рей) до постройки жилого дома служила в качестве жилья, а в гумне можно было расположить скотину, хранить сельскохозяйственные орудия и домашние пожитки.

Размеры жилых домов у эстонцев были разными и зависели от состоятельности хуторян. В национальном архиве Эстонии за 1920 г. сохранились описи имущества эстонцев, проживавших в пределах современной территории Струго-Красненского района. Самыми большими были жилые дома у А. Я. Терри из пустоши Погорелка (9,5 сажени в длину и 3,5 сажени в ширину, что соответствовало размеру 20,2х7,5 метров), Я. А. Миллера из пустоши Троерожник (размером 7х4 сажени или 15х8,5 метров), у Г. В. Кепса из пустоши Сёлкино и Ю. Я. Нопсона из пустоши Новая Желча (размером 7х3 сажени), у П. М. Лиива из пустоши Корсаково (размером 6,5х4,5 сажени), у Д. Я. Наруска из пустоши Масникова Гора и А. К. Килька из пустоши Створцы (размером 6х4 сажени), у Г. Я. Восмана из пустоши Погорелка (размером 6,5х3 сажени) и т. д. Г.Ю. Нагельман из пустоши Живоглуы имел двухэтажный дом, его размеры были 5х3,5 сажени, в высоту дом возвышался на 7,5 аршинов (5,4 метра). Но были и такие хуторяне, которые строили жилой дом, ригу и гумно под одной крышей. Например, М. П. Тидерман из пустоши Быстрейково имел такую постройку размером 15х4 сажени, Т. Д. Колга из пустоши Домкино – размером 13х3 сажени, а у Я. О. Пароварде из пустоши Задорье дом, гумно и рига располагались в строении размером 12х4 сажени. Ю. М. Парц из пустоши Кананково построил гумно, ригу и жилое помещение под одной крышей размером 10х4 сажени, а Р. К. Верш из пустоши Сёлкино – размером 10х3,5 сажени. У бедных крестьян были небольшие жилые дома. Например, Ю. Я. Ратгас из пустоши Тетёрка и А. Г. Лаар из пустоши Нишева имели дома 3х3 сажени (6,4х6,4 метра). Зажиточные хуторяне крыли жилые дома щепой, а те, что были победнее – соломой. Некоторые эстонцы на своём хуторе для семьи одного из сыновей строили второй дом.

Практически каждый хуторянин имел на своём дворе хлев, конюшню, гумно с ригой, кладовую, амбар, поветь, баню. Такие постройки крыли и соломой, и щепой. Для кровли использовалась только срезанная серпом и обмолоченная вручную солома ржи. Отдельный хлев, в основном, имел размеры от 3х3 сажени до 5х3 сажени, конюшня – размеры от 3х2 сажени до 4х2 сажени. Конюшни строились также под одной крышей с хлевом, клетью или хлебным амбаром. У Ю. Д. Рооза из пустоши Луг-Лог под одной крышей располагались хлев, конюшня и свинарник, размеры этой постройки были 11х5 сажени (23,5х10,5 метров). Строились и отдельные свинарники. Например, у Я. Ю. Лятти из пустоши Живоглуы имелся свинарник на 5 свиней размером 3х2 сажени. Хлебные амбары, в основном, строились размером 3 сажени в длину и столько же в ширину. Размеры бань, топившихся как по-чёрному, так и по-белому, обычно были 2,5х2 сажени, но были и бани размером 3,5х2 сажени. А вот, например,

у Ю. Я. Варуска из Спасской пустоши бани вообще не было; вся его семья мылась в деревянной купальной ванне. Чаще всего бани крыли щепой.

Гумно и ригу возводили как под одной крышей, так и отдельно. Ригу часто называли реем. На хуторах Ю. Г. Тууля из пустоши Пустопержа и Я. А. Миллера из пустоши Троерожник гумно и рига размещались в строении размером 12х4 сажени, у А. Я. Терри из пустоши Погорелка размеры гумна с ригой были 13х3,5 сажени, а вот у Ю. М. Пульмана – всего 6х2,5 сажени. Обычно высота гумна с ригой была 5 аршинов, но у О. Г. Линда из пустоши Сверётово гумно с реем при длине в 7 сажений и ширине в 3 сажени имело высоту 12 аршинов (8,6 метра). У О. П. Кооскора из пустоши Орловская Дача были построены отдельное гумно размером 8х4,4 сажени и отдельная рига размером 4х3 сажени. А вот отдельное гумно у В. П. Уста из пустоши Задорье имело размеры 3,5х3,5 сажени, отдельная рига – размеры 3,5х1,5 сажени, и они были покрыты соломой. Эстонцы, в отличие от русских, сено не стоговали, они обязательно убрали сено и солому под крышу. Для хранения сена они строили сенные сараи (сенные пуни) и устраивали повети, а для хранения соломы – пелушни. Например, Юган Мадисович Николаи из пустоши Луг-Лог имел две повети: над хлевом и над амбаром. У некоторых эстонцев, как, например, у Д. Х. Наруска из пустоши Масникова Гора и О. П. Кооскора из пустоши Орловская Дача, для хранения мякины, которая шла на подстилку для скота, имелись пелушни. Я. Г. Ярв из пустоши Аксова гумно, рей и пелушню разместил в одной постройке, её размеры были 13х4 сажени (27,7х8,5 метров).

Отдельно хотелось бы остановиться на хозяйственных постройках, которые эстонцы возводили из булыжного камня. Такие камни-булыжники кололи с помощью скарпели и металлических клиньев, а затем обтёсывали плоские поверхности молотком-бучардой. Углы построек и проёмы нередко обрамляли красным кирпичом. Ян Адамович Миллер из пустоши Троерожник имел каменный хлев размером 7х4 сажени (15х8,5 метров) и каменную кузницу размером 4х2 сажени. Каменный хлев у него имел высоту 6 аршинов (4,3 метра). Каменный хлев на хуторе А. Я. Терри из пустоши Погорелка был размером 6х3,3 сажени, кроме того здесь ещё была построена каменная конюшня размером 3,3х3,5 сажени. У Яна Осиповича Пароварде из пустоши Задорье были каменный хлев размером 5,5х3,5 сажени и каменный погреб. Каменные дворы имели Карл Яковлевич Мадисон из пустоши Задорье, Густав Янович Пярксон из Дубницкой пустоши, Карл Янович Нейман из пустоши Петриха, Густав Видрикович Беляев из пустоши Аксово, Видо Адамович Куньман из пустоши Домкино и др. Ян Михайлович Кантс из пустоши Чернёва построил на своём хуторе каменную конюшню размером 4,5х2,5 сажени. У Югана Юрьевича Тууля из пустоши Пустопержа была построена каменная кладовая размером 3х2 сажени. Тынис Давыдович Колга из пустоши Домкино имел каменное строение размером 5,5х3 сажени, в котором под одной крышей находились хлев и хлебный амбар. Торговец Павел Иванович Рутту возвёл в деревне Сиковицы каменную кладовую, к которой пристроил кирпичный магазин. Каменные погреба устраивались в земле, в высоту выше роста человека, их стены и своды делались из булыжного камня.

Жилые дома эстонских поселенцев обычно делились на две, редко три комнаты, кухню, чулан. Например, у Я. М. Олеска из пустоши Березняк был дом с шестью окнами и четырьмя дверями, в котором жилая часть имела размеры 5х2 сажени, а кухня – размеры 3х1,5 сажени. Жилой дом М. Ю. Тисфельда из пустоши Быстрейково делился на две большие комнаты размерами 4х3 сажени и 3х3 сажени. Ещё имелись кухня 2х1 сажень и маленькая комната, скорее всего, чулан размером 1х1 сажень. К жилому дому были пристроены сарай для дров и сарай для хранения телег и саней. Практически вся мебель у эстонцев была деревянной: платяной шкаф, буфет, комод, два-три деревянных стола, стулья и табуретки, деревянные кровати, деревянный диван. Из домашней утвари имелись два-три сундука, рукомойник и лохань, бочка для соления мяса, бочка для квашения капусты, три-четыре бочки для зерна, деревянные шайки для мытья, деревянные ушаты и кадки, деревянные и жестяные вёдра, подойники, разная столовая

посуда, глиняные суповые латки, молочные крынки, хлебная квашня, мешки для зерна, сито, решета, настенные часы с гириями и ходом, керосиновый фонарь, бидон для керосина, безмен, ружьё одно- или двуствольное. Освещение давали 7-линейные потолочные лампы и 5-линейные настольные лампы. В каждой семье также имелись маслобойка, самовар, утюг, у многих были кофейная машина, сепаратор, мясорубка или мясорезка. В кухне стояла печь с чугунной плитой. Еду, в т. ч. и для скотины, варили в чугунных котлах, их в хозяйстве обычно было два-три: на девять, шесть и два ведра. Также для приготовления еды пользовались чугунными горшками (чугунками), кастрюлями, сковородами. Из постельных и прочих домашних тканых и вязаных вещей в каждой семье были матрацы, шерстяные и ватные одеяла, перьевые и пуховые подушки, льняные и вязаные простыни, льняные утиральники, вязаные салфетки, скатерти, кровати занавески, оконные шторы.

Выходцы из Прибалтики принесли с собой опыт сельского хозяйства с многопольными севооборотами и травосеянием; они выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овёс, горох, бобы, лён, картофель, капусту, редко – гречиху и турнепс, из трав сеяли клевер. Эстонцы успешно развивали молочное животноводство, занимались пчеловодством и винокурением из зерна. В садах сажали яблони (до 10—20 штук), кусты смородины и крыжовника, клубнику сорта Виктория. Незаменимым помощником в сельском хозяйстве была лошадь. Зажиточные эстонцы держали по две-три лошади. В упряжь для лошади входили хомут с гужами и супонью, дуга с колокольчиком, седёлка с подпругой, подбрюшник, чересседельник, вожжи, шлея, узда. В хозяйствах эстонских поселенцев, как правило, имелись телеги на железном или деревянном ходу, сани, дровни, из земледельческих орудий – один-два плуга, соха, борона с железными сучьями, американская пружинная борона. Для сгребания сена эстонцы применяли конные грабли. У зажиточных эстонцев были двухконные плуги, конные сеялки, косилки и жатки, соломорезки, ручные молотилки или конные молотильные катки, веялки, грохоты для просеивания зерна, льномяльные и льнотрепальные машины на конной тяге. Из ручных земледельческих орудий использовали косы, серпы, вилы для сена, деревянные грабли, железные лопаты, щелевые льномялки, чесалки для льна, крюк и вилы для навоза, ножни для стрижки овец.

О трудолюбии эстонских поселенцев и о том, сколько они выращивали сельскохозяйственных культур и сколько заготавливали кормов для скотины, можно судить на примере нескольких хозяйств. В хозяйстве Мадиса Александровича Калева из пустоши Луг-Лог было 35 десятин земли, имелись лошадь, жеребёнок, 3 коровы, нетель, 3 телёнка, 2 поросёнка, 6 овец, 4 курицы, 3 гуся. В 1920 г. он вместе с отцом посеял 6 пудов озимой ржи, а собрал – 25 пудов. В 1921 г. посеял 9 пудов ячменя, собрал – 19, посеял 20 пудов овса, собрал – 43, посадил 25 пудов картофеля. В том же году он накопил 600 пудов сена, 200 пудов клевера, собрал 95 пудов ржаной соломы и 100 пудов яровой соломы. У Осипа Петровича Кооскора из пустоши Орловская Дача было 34 десятины земли, в его хозяйстве содержались 2 лошади, жеребёнок, 4 коровы, нетель, 4 поросёнка, 6 овец, 6 кур. В 1919 г. О. П. Кооскор посеял 12 пудов озимой ржи, весной 1920 г. он посеял 12 пудов ячменя, 3 пуда пшеницы, 18 пудов овса, посадил 30 пудов картофеля. Он накопил 300 пудов сена и 280 пудов клевера, а также собрал 110 пудов соломы в снопах и 108 пудов мякины. В закромах у Яна Юрьевича Лятти из пустоши Живоглуты в 1920 г. имелось: картофеля – 200 пудов, озимой ржи – 35 пудов, ячменя – 20, овса – 25, пшеницы – 6, гороха – 3, льняного семени – 3, капусты – 10, турнепса – 50, клеверного семени – 20 фунтов. У него было накошено 400 пудов сена и 150 пудов клевера, собрано 250 пудов соломы и 40 пудов льноволокна. В хозяйстве Я. Ю. Лятти имелись 34 десятины земли, 2 лошади, бык, 4 коровы, нетель, 2 телёнка, 3 поросёнка, 2 полусвинка, 15 овец, 7 куриц. Ян Адамович Миллер из пустоши Троерожник в 1920 г. намолотил: озимой ржи – 90 пудов, ячменя – 35, пшеницы – 15, овса – 100, льняного семени – 7, клеверного семени – 2. Он накопил 300 пудов картофеля, накопил 100 пудов сена, 600 пудов клевера, собрал 300 пудов ржаной соломы и 100 пудов яровой соломы. При этом Я. А. Миллер имел

42 десятины земли, лошадь, жеребёнка, 2 коровы, телёнка, 3 поросёнка, 6 овец. Якоб Рейнович Варуск из пустоши Масникова Гора имел лошадь, 4 коровы, 3 нетели, 3 поросёнка, 2 подсвинка, 13 овец и 24 курицы. В 1920 г. в запасах у него было: озимой ржи – 45 пудов, ячменя и овса – по 30 пудов, пшеницы – 10, гороха – 1, бобов – 2, картофеля – 400, капусты – 5, брюквы – 8, сена – 500, соломы – 220, льноволокна – 6.

Хозяйственными занятиями эстонцев были также домашние промыслы и ремёсла. Своё жилище и хозяйственные постройки мужчины возводили самостоятельно. Практически вся деревянная мебель, посуда и домашняя утварь также изготавливалась мужчинами, в каждом хозяйстве для этого имелся верстак и столярные инструменты. Многие эстонцы умели выделывать шкуры овец и крупного рогатого скота, которые шли на изготовление обуви, шуб, тулупов и конской сбруи, знали бондарное, шерстобитное и валяльное ремесло. Женскими ремёслами были ткачество, вязание, шитьё одежды. Во многих эстонских семьях ткани для пошива одежды изготавливались самостоятельно. По сведениям за 1920 г. на ткацких станках с медными бёрдами ткали различные ткани Мария Педовна Пульман (1873—?) из пустоши Сёлкино, Минна Югановна Педасон (1860—?) из пустоши Вербилово, Лиза Яновна Пароварде (1879—?) из пустоши Задорье, Минна Карловна Миллер (1865—?) из пустоши Троерожник, Элла Яновна Кильк (1902—?) из пустоши Створцы, Алида Готлибовна Пуксандов (1884—?) из пустоши Шатовщина, Анна Осиповна Линд (1894—?) из пустоши Сверётово, Лиза Яковлевна Цубсберг (1872—?) из пустоши Тетёрка, Лина Яновна Кислер (1874?) из пустоши Игалево, Леена Густавовна Кепс (1874—?) из пустоши Сёлкино, Эмилия Яновна Терри (1862—?) из пустоши Погорелка, Анна Даниловна Рооз (1865—?) из пустоши Луг-Лог, Леена Мельберг (1869—?) из пустоши Домкино, Амалия Разва (1890—?) из пустоши Горная, Лотта Хавакац (1853—?) из пустоши Чернёво, Анна Ауг (1860—?) из пустоши Погорелка, Анна Торк (1875—?) из пустоши Конечек, Розалия Мьяльтон (1875—?) из пустоши Ломы и др. В своём обиходе эстонские крестьяне пользовались традиционными у себя на родине прялками-«самопрярами» или эстонскими прялками, в каждой семье обычно было по две-три таких прялки. Кроме того, у каждой женщины была ручная или ножная швейная машинка. Для чесания шерсти использовали карзильные щётки (карзы).

Многие переселенцы открывали мелкие промышленные заведения: ветряные и водяные мельницы, кузницы, шерстекарзильни, заведения по дублению и выделке кож, щеподралки. Например, в 1911 г. около деревни Сиковицы Якоб Осипович Муга построил каменное здание для мельницы и шерстопрядильного заведения, его размеры были 10,5x4 сажени (22,4x8,5 метров). На реке Люте были устроены две плотины, вода вращала турбину, которая в свою очередь приводила в действие две пары жерновов мельницы: рижские фирмы Краузе и из дикого камня, а также динамо-машину на 12 ламп, прядильную, трепальную и две ватных машины. Шерстопрядильный завод освещали три 15-линейные висячие лампы. В 1920 г. Я. О. Муга переехал на жительство в Эстонию, а шерстопрядильное заведение и мельница перешли к его старшему брату Давыду Осиповичу Муге (1873—?) и его сыну Якобу Давыдовичу Муге. У Яна Яковлевича Сольнакса в пустоши Задорье был мукомольно-лесопильный завод с плотиной на реке Выскатке (30 сажений в длину, 4 сажени в ширину и 2 сажени в высоту). Водяной двигатель приводил в действие мельницу, молотилку, перловочную машину и лесопильную раму. В 1912 г. на реке Люте построил 2-х поставную мельницу Филипп Иванович (Вильгельм Янович) Роома. От турбины работали мельница, лесопильный и лучинно-щепальный станки, перловочная, льномяльная и молотильная машины, а также 2-х сильная динамо-машина. Иван Петрович Плом на реке Лонне, около деревни Заборье Горской волости, в 1914 г. выстроил каменную водяную мельницу. Ян Густавович Кюттик из пустоши Задорье имел каменное кожевенное заведение, в котором для замачивания кож и опойков имелись два деревянных чана диаметром в два аршина, а также зольник.

По описаниям 1920 г. мужчины из нижней одежды носили нательные рубашки и кальсоны, женщины – дамские нижние рубашки, нижние юбки и панталоны. В гардероб женской верхней одежды входили шерстяные и шёлковые юбки, шерстяные кофты и жакеты, полушерстяные дамские костюмы, шерстяные и ситцевые платья, дамское летнее пальто, дамские зимние шерстяное и ватное пальто, крытые сукном шубы и полушубки, шерстяные чулки, передники, большие шерстяные платки, головные шерстяные, батистовые, шёлковые и сатиновые платки, шерстяные и шёлковые шали, шляпы. Женщины из обуви носили туфли, полусапожки, женские штиблеты, зимой – тёплые сапоги и валенки. Мужчины носили суконные рубашки, шерстяные и суконные костюмы, суконные пиджаки, длинные шерстяные и короткие суконные брюки (чуть ниже колен), шерстяные чулки (до колен) и носки. Летом поверх нательной одежды надевали летнее длинное суконное пальто, в холодное время года – длинное шерстяное или ватное пальто, крытые сукном овчинные шубы, полушубки белого цвета, меховые тулупы с воротником, ватные тужурки; подпоясывались суконным пояском. Из обуви мужчины носили сапоги с голенищем, валенки, валеные сапоги, ботинки, мужские штиблеты, в качестве головных уборов – войлочные шляпы (каар), суконные фуражки, ушанки. Для зимы женщины вязали на всю семью шерстяные варежки (дьянки) и шарфы. Каждый мужчина непременно носил серебряные карманные часы на цепочке. Среди предметов женского туалета могли быть кружева, шёлковые ленты, манишки, ридикюль, дамские серебряные или золотые часы на браслетке, золотые броши и пр.

Среди эстонцев одними из самых зажиточных были торговцы и мельники. В архиве сохранились описания имущества владельца водяной мельницы и шерстопрядильного заведения Я. О. Муги и торговца Ф. И. Глазера 1920 г. Семья Якоба Осиповича Муги (1876—?) состояла из жены Вильгельмины 1882 г. рожд., сыновей Георгия 1911 г. рожд., Рудольфа 1919 г. рожд. и дочери Маргариты 1906 г. рожд. Они проживали на хуторе около деревни Сиковицы в своём доме размером 6х4 сажени. В 1920 г. в доме семьи Муга среди мебели выделялись турецкий и двухместный диваны, два кресла и шесть венских стульев под красное дерево, все они были покрыты зелёным плюшем. Из мебели ещё имелись никелированная кровать с пружинным матрацем, старинное дубовое кресло, раздвижной фанерованный обеденный стол, покрытый под орех письменный стол с пятью ящиками, шесть буковых венских стульев, умывальник с двумя мраморными досками. Из домашней утвари имелись пианино фирмы Ратке, граммофон фирмы Циммермана с 50-ю двухсторонними грампластинками, швейная машинка «Зингер», висячая столовая 15-линейная лампа с фарфоровым абажуром, четыре ковра, никелированные самовар и кофейник, барометр, круглые настенные часы, восемь картин в рамках, написанных маслом. Среди одежды выделялись кенгуровая мужская шуба, жёлтое дамское пальто из японского сукна, каракулевая мужская шапка.

Семья торговца Фёдора Ивановича (Фридриха Югановича) Глазера жила в посёлке Струги Красные в двухэтажном деревянном доме размером 8х5 сажений, крытым шепой. В 1920 г. семья состояла из жены Александры Георгиевны Глазер 1878 г. рожд., сыновей Валентина 1905 г. рожд., Константина 1910 г. рожд., Сергея 1910 г. рожд. и дочерей Лидии 1907 г. рожд. и Ираиды 1912 г. рожд. В то время Ф. И. Глазер занимался приготовлением и продажей лимонада. В его торговом помещении находился медный аппарат для приготовления фруктовых вод, а на складе – восемь баллонов с жидкой углекислотой, 30 фунтов фруктовой эссенции, 20 фунтов виннокаменной кислоты, 5000 бутылок ёмкостью 0,5 литра и столько же бутылок ёмкостью 0,3 литра. В аппарат наливалась кипячёная вода, добавлялись фруктовая эссенция и виннокаменная кислота, всё это насыщалось жидкой углекислотой, и получался лимонад. В жилом доме Ф. Ю. Глазера среди мебели и домашней утвари имелись редкие для того времени комод-бюро, этажерка с книжным шкафом, никелированная двуспальная кровать с пружинным матрацем, шесть венских стульев, чугунная ванна, умывальник с мраморным столом, пять картин в рамках, граммофон с 24-мя грампластинками, цитра, гитара; из одежды выде-

лялись мужская шуба с каракулевым воротником, дамское плюшевое пальто с меховым воротником, дамские меховая шапка, меховая муфта и бархатный костюм.

Культурная жизнь и кухня эстонцев

У эстонцев очень популярными были национальные певческо-танцевальные праздники. В приходских школах детей с малолетства обучали хоровому пению. В каждой общине существовали свои хоры, ансамбли струнных и смешанных инструментов, духовые оркестры. На всеобщих певческих праздниках, проводившихся в Таллинне, Тарту, Вильянди, существовала традиция соревнования хоров. В Луге, Пскове, Стругах-Белой, Домкино, Масниковой Горе проводились местные фестивали песни эстонских поселенцев. Наиболее популярным инструментом у эстонцев была скрипка. По сведениям 1920 г. из числа эстонских поселенцев на скрипке играли Ю. П. Адамсон из пустоши Головково, И. П. Кооскор из пустоши Орловская Дача, П. Г. Отсман из пустоши Чернёво, Д. Я. Наруск из пустоши Масникова Гора, П. А. Тидерман и М. Ю. Тисфельд из пустоши Быстрейково, Я. Я. Хавакац из пустоши Чернёво, Ю. Г. Петтай из пустоши Кочерицы и др. Другим популярным инструментом была многострунная эстонская цитра, схожая с русскими гуслиями. На цитре играли П. Е. Пяртли из пустоши Луг-Лог, Ю. Я. Варуск из Спасской пустоши, Г. В. Кепс из пустоши Сёлкино, Я. П. Везу из пустоши Погорелка, И. П. Кооскор из пустоши Орловская Дача, П. П. Мьялтон из пустоши Ломы и др. У В. А. Терри из пустоши Погорелка имелись четырёхструнная балалайка и баян, у Я. М. Лиива из пустоши Карсаково – цитра и балалайка, а у Ю. Я. Якоби из пустоши Кочербуж – фисгармония.

Также у некоторых эстонцев имелись гитары, мандолины и немецкие гармони. Эстонские поселенцы Г. Я. Восман из пустоши Погорелка, М. А. Калев из пустоши Луг-Лог и Д. Х. Наруск из пустоши Масникова Гора играли на гитарах. И. Е. Тууль из пустоши Пустопержа, К. Г. Цупсберг из пустоши Тетёрка, О. Г. Крайник из пустоши Холохино, Я. М. Купри из пустоши Карсаково, Я. Г. Пуксандов из пустоши Шатовщина, Р. К. Верш из пустоши Сёлкино, А. О. Киилу из пустоши Зрекино играли на немецкой гармонии. У А. Я. Терри из пустоши Погорелка были гитара и гармонь, у Я. Р. Вараска из пустоши Масникова Гора – гитара и мандолина, а у Ю. Я. Муги из пустоши Зрекино – скрипка и гармонь. Рояль имелся у А. Я. Пунгарта из пустоши Ломы, Я. Я. Хавакаца из пустоши Чернёво и В. Я. Роома из деревни Сиковицы. Некоторые состоятельные эстонцы, как, например, Ю. П. Адамсон из пустоши Головково, Ю. Г. Тууль из пустоши Пустопержа, П. М. Лиив из пустоши Карсаково, М. А. Калев из пустоши Луг-Лог и А. Я. Пунгарт из пустоши Ломы, приобрели для прослушивания грампластинок граммофоны.

Образованные эстонцы имели у себя небольшие домашние библиотечки. У Я. Ю. Лятти в доме, например, было 100 книг, у Ю. Д. Рооз – 57, у Г. В. Кепса и Ю. Я. Якоби – по 50, у О. Г. Крайника – 40, у Г. Я. Восмана и К. П. Сепмана – по 30. У П. М. Экса из пустоши Губин Клин среди книг были Библия, Святое Евангелие, молитвенник и церковный песенник. Его брат Я. М. Экс тоже имел церковные книги: Святое Евангелие, молитвенник и церковный песенник. Эстонцы украшали стены своих домов цветными картинками или фотокарточками в рамках, собирали фотографии в альбомы. Я. М. Варес из пустоши Створцы даже имел свой кинематографический аппарат. В моду стали входить велосипеды. В 1920 г. велосипеды имелись, например, у О. Г. Линда из пустоши Сверётово, О. П. Педосона из пустоши Ломы, Я. М. Купри из пустоши Карсаково и П. К. Гендриксона из пустоши Андропова.

Основное место в питании эстонцев занимали чёрный хлеб, свинина, молоко, картофель, капуста, горох, перловая и ячневая крупы. Еда была простая и питательная, порой жирная. В доатеистические времена эстонские поселенцы, проживавшие на территории Струго-Красненского района, в Рождество, после молитвы в храме, собирались дома за праздничным столом. К Рождеству резали поросёнка, делали кровяную колбасу и студень (т. н. «сюльт»),

тушили квашеную капусту с перловкой и жирной свиной (т. н. «мульгикапсад»), из фруктов или зерна делали шнапс, варили пиво и приготавливали хлебный квас. Например, в пустошах Масникова Гора и Живоглуты кровяную колбасу готовили со свиным салом, луком, чесноком и ячневой крупой, а в пустошах Домкино, Задорье и Шталя вместо ячневой клали перловую крупу. В пустоши Домкино ко Дню Святой Троицы срубали молодые берёзки и ставили их у порога, а веточки берёзы заносили в дом. В этот праздник в Домкино делали крупяную колбасу, набивая бараньи кишки ячневой кашей с салом и луком, готовили отварной картофель с густым, прожаренным на сковороде соусом из свиного жира, муки и молока (т. н. «макалка»), пекли открытые ржаные пироги с морковью, варили клюквенный кисель. В пустошах Масникова Гора и Живоглуты главным летним праздником был Яанов день или Янипяев, здесь его отмечали с песнями и танцами около костра, к этому дню варили пиво. В остальные дни эстонские поселенцы варили супы и готовили каши. Например, в пустоши Задорье варили щи из кислой капусты со свиной и перловкой (т. н. «капсисуп»). В пустоши Домкино варили гороховый суп с перловкой и свиной, гороховую кашу с добавлением перловки, готовили похлёбку из ржаного хлеба, накрошенного в простоквашу с молоком (т. н. «тюря» или «пуди») и жарили ржаные оладьи с кровью (т. н. «кякки»). В Масниковой Горе варили молочный суп с картофельными клёцками.

Эстонские колонии и их лютеранские общины

Пустошь Домкино

Одна из эстонских колоний возникла в окрестностях современной деревни Домкино, которая находится в 47 км к северо-западу от посёлка Струги Красные. Эстонский пастор Роберт Генрих фон Гольст (10.02.1858—23.08.1901), составивший в 1896 г. обзор эстонских поселений в России, указал, что заселение пустоши Домкино (Domkino) началось в 1870 г. По другим данным, в пустоши Домкино Полновской волости Гдовского уезда к 1870 г. уже проживали эстонские переселенцы. По данным церковных книг Домкинского эстонского прихода в 1863 г. сюда из окрестностей Ряпина переселился Давыд Осипович Мельберг, в 1864 г. – Петер Юганович Тислер (1840—?) из Юрьевского уезда и Ян Нопассон из Верроского уезда, в 1870 г. – Якоб Меттус из Перновского уезда. В 1865 г. в пустоши Домкино уже проживала семья Гендрика Клауса, в 1866 г. – семья Яна Вальдсона, в 1869 г. – семья Фридриха Митта, в 1870 г. – семьи Гендрика Лаурсона и Яна Розе. В 1880 г. в пустоши Домкино обосновался Давыд (Таавет) Колга, родом он был из Юрьевского уезда. Позднее в пустоши Домкино возникли хутора Югана Виллемсона, Александра Хиндриксона, Югана Паульсона, Оскара Вормана, Петера Тенно, Гендрика Тенно, Видо Гейдорфа, Иоганна Кристова, Якоба Казика, Яака Митта, Александра Добруса, Петера Муги, Адама Муги, Яна Сеппа, Мадиса Сакса, Югана Вормана, Тыниса Колги, Густава Люлля, Яна Нопассона, Густава Виллака, Михкеля Ойнуса, Петера Ойнуса, Михкеля Меттуса, Якоба Везо, Гендрика Тислера, Карла Крузе, Йозепа Тислера, Югана Якобсона, Якоба Карупы, Юри Сарапсона, Югана Тензона, Самуила Мидри, Видрика Петерсона, Якоба Комусаара, Иоганна Килька, Видо Куньмана, Самуила Клаусона, Югана Юхкама, Яна Путсепа, Гендрика Конзы, Югана Сакса, Яна Прикса, Отто Сикка, Якоба Сикка, Густава Коозапойка, Югана Микка, Йозепа Мидри, Карла Сарапсона, Йозепа Ягера, Гендрика Ривика и др. В основном, это были выходцы из Лифляндской губернии, и, в частности, из окрестностей Дерпта (Юрьева), Вынну, Оденпе, Камби, Ряпина, Пельвы, Феллина. Эстонские переселенцы нередко называли пустошь Домкино на свой манер как Томкино.

В пустоши Домкино была образована первая на Стругокрасненской земле эстонская евангелическо-лютеранская община. Российские историки Г. Ф. Соловьёва и М. В. Шкаровский в своих трудах назвали дату образования Домкинского прихода как 1876 г., а этнограф А. К. Ниголь в своей монографии указал иную дату – 1874 г. На печати Домкинского прихода значилось: «Домкино 1874», на печати пастора Домкинского эстонского прихода тоже была точно такая же дата образования прихода – «основ. 1874». Известно, что Домкинская эстонская школа была построена именно летом 1874 г., при этой школе в 1882 г. открылась библиотека. Вероятнее всего, что под одной крышей со школой помещался молитвенный дом, и это здание было деревянным. В Домкинской евангелическо-лютеранской эстонской школе с 1881 по 1901 г., за исключением небольшого перерыва в 1,5 года, преподавал учитель Густав Иванович (Янович) Клаусон (1863—?). Г. И. Клаусон, являясь школьным учителем и «подчиняясь старому закону», исполнял также обязанности кистера. В 1931 г. Густава Клаусона объявили «кулаком», в 1934 г. он ещё проживал в Домкино. 9 октября 1886 г. на школьно-молитвенный дом в Домкино установили колокол. Пожертвованиями на колокол было собрано 60 руб., большую же часть средств выделил приход. Известно, что с 1882 г. Домкинскую общину четыре раза в год посещал эстонский пастор Гдовского прихода Святой Троицы Иван Егорович (Йоханнес-Юлиус) Гаумбольдт. Во время своих краткосрочных приездов

пастор Гаумбольдт крестил детей, появившихся на свет в столь удобный момент, венчал пары, причащал прихожан, проводил обряды конфирмации подростков. В период между приездами пастора крещение, а также отпевание усопших, согласно лютеранскому вероучению о всеобщем священстве всех верующих, совершали кистеры и простые миряне. В метрических книгах Гдовского прихода среди прихожан Домкинской общины, крестивших детей и отпевавших усопших в 1880-е гг., значатся Александр Хиндриксон, Густав Меттус, Приидик Митт, Михкель Митт, Петер Муга, Ганс Засс, Петер Виллак, Ян Клаусон, Давыд Пульман, Иоганн Напассон, Карл Ламус, Ян Митт, Иоганн Ратасеп, Йозеп Клаус, Иоганн Танни, Петер Пунисон, Ян Мелло, Мадис Нильп. Петер Янович Муга (1859—?) крестил детей не только в Домкинской пустоши, но и в Масниковой Горе и даже в Замошье. В начале прошлого века обряды крещения в Домкинской общине проводили Йозеп Гейдорф, Александр Кристов, Карл Ягер, Александр Хиндриксон, Йозеп Покс, Петер Каменик, Йозеп Перк, Михкель Митт, Видо Кислер, Михкель Мовиц, Якоб Кутсар, Йозеп Коор, Петер Рекк, Людвиг Терри, Пауль Хиндриксон, Густав Тензон, Петер Тамм.

Эстонцы из деревни Домкино. Фото ок. 1947 г.

К моменту открытия Домкинского школьно-молитвенного дома при поселении Домкино уже существовало эстонское кладбище, оно впервые упоминается в 1875 г. Там были похоронены Анна Нейман (1839—1881), Мари Мадисон (1869—1881), Иоганн Сепп (1812—1882), Юган Урман (1811—1882), Мярди Мадисон (1855—1882), Анна Нопассон (1840—1883), Анна Кузик (1801—1884), Лиза Рятсеп (1832—1885) и др. Здесь хоронили не только умерших поселенцев из Домкинской общины, но и жителей пустошей Задорье, Драничник, Лужки, хуторян из окрестностей Симанского Лога, Узьино, Сиковиц, Озерово. Это кладбище и сейчас является действующим, оно располагается на северо-западной окраине деревни Домкино, в 200 м от здания бывшей Домкинской церкви. Ранее кладбище окружала ограда, сложенная из камней-валунов, сейчас она развалилась до основания, но её направление чётко видно по россыпям камней. Самыми старыми сохранившимися захоронениями на Домкинском эстонском кладбище, судя по надписям на металлических крестах, являются могилы Мины Терри (1853—1878), Яна Хиндриксона (1808—1881) и Петера Меллера (1811—1884). К более поздним захоронениям относятся могилы Югана Якобсона (1845—1898), Анны Тислер (1830—1901), Лизы Пекка (1825—1903), Михкеля Меттуса (1876—1903), Яна Пунгарта (1854—1908), Югана Рутту (1853—1912), Виллема Бриккера (1855—1913), Мины Варес (1877—1916), Анны Мозин (1870—1925), Елизаветы Бриккер (1890—1934), Эрнста Ханзинга (1896—1942), Видо Куньмана (1864—1943), Даниила Доброва (1886—1950), Августа Гейдорфа (1888—1962), который славился в округе фотографическим делом, Филиппа Муги (1912—1979) и др. Всего на кладбище сохраняются около двух десятков старых чугунных крестов, большинство из которых изготовил кузнец Юган Фридрихович Митт, живший на хуторе в пустоши Домкино.

В 1892 г. в пустоши Домкино началось строительство каменного евангелическо-лютеранского эстонского молитвенного дома. Его возвели взамен деревянного школьно-молитвенного дома, уничтоженного пожаром 21 мая 1892 г. Новый молитвенный дом освятили 11 сентября 1894 г. В обзоре Р. Г. фон Гольста за 1896 г. молитвенный дом в Домкино уже значится как лютеранская церковь. С 1901 по 1912 г. в Домкинской церкви служил учитель-кистер Петер Люде, затем его на этой должности сменил Густав Кютт. С 1915 г. в храме служил учитель-кистер Петер Виллак, в 1920 г. – учитель-кистер М. Рубель. Престольным праздником в Домкино был день Святой Троицы. В 1911 г. вместо пришедшего в негодность старого школьного здания начали возводить новое здание для двухклассной эстонской школы, однако из-за нехватки средств процесс строительства растянулся на несколько лет. В 1915 г. школу посещало около 70 детей, для остальных детей, которых в Домкино и окрестных пустошах было в 3—4 раза больше, просто не хватало школьных помещений. Эстонский пастор Август Карлович Ниголь (01.08.1877—16.08.1918) в своей монографии «Эстонские поселения и места нахождения в России» указал в 1918 г. в Домкино церковь и школу. Он оценил численность эстонских поселенцев, проживавших в колонии Домкино, в 3000 человек, в это число вошли не только жители пустоши Домкино, но и близлежащих пустошей Кашкарово (Kaskarowo), Красная (Krasnaja), Дуброшкино (Dubroskino), Жуковское (Sukowska), Жеребятино (Serebätino), Новая Желча (Seltsa), Ломы (Lomi), Родня (Rodna), Затобенье (Zatobenje), Столоб (Stolop) и др. В 1922—27 гг. в Домкинской церкви проводил службы пастор Рудольф Генрихович Раудмунд (25.12.1886—1938). В 1924 г., накануне Рождества Христова, пастор Рудольф Раудмунд провёл в Домкино большой церковный певческий праздник с участием 7 хоров общин Гдовского уезда. В июне 1927 г. Р. Г. Раудмунд был арестован и выслан на Соловки, в 1932 г. был освобождён, в 1938 г. его повторно арестовали и расстреляли вместе с женой.

Здание бывшей лютеранской кирхи в Домкино. Фото В. А. Григорьевой, 2014 г.

Поселение Домкино в начале прошлого века представляло собой культурный и религиозный центр для окрестных хуторских жителей. В 1911 г. было открыто Домкинское сельскохозяйственное Общество. Председателем Совета этого Общества избрали Густава Яновича Клаусона, а секретарём – Вольдемара Яновича Митта. К 1918 г. в Домкино действовали пожарное общество и торгово-потребительский кооператив. По устным свидетельствам рядом с Домкинской церковью располагались площадь, фруктовый сад и заросли сирени. Слева от церкви стоял дом учителя-кистера, а напротив, через дорогу находилась школа, она сгорела в период оккупации. При церкви эстонским обществом были построены магазин, хлебный амбар, хлев, конюшня, рига с гумном, пивоварня, хлебопекарня, два больших двухэтажных дома, имелась танцплощадка, где танцевала молодежь после посещения церкви в праздники. Магазин был построен по настоянию кистера из тёсаного булыжного камня, назывался он «сельтсипоод» – общественный магазин, или как говорили местные жители – «сельдипууд». Пивоварня имела

глубокий подвал, где хранили пиво в бочках, пиво было очень вкусное, для женщин готовили напиток наподобие лимонада.

В окрестностях поселения Домкино были раскиданы многочисленные эстонские хутора, большинство из них были крупными и зажиточными. При въезде в Домкино находился хутор Александра Ивановича (Югановича) Паульсона, на его дворе стоял амбар из тёсаного булыжного камня. Юган Фридрихович Митт (1869—1938) имел на своём хуторе в пустоши Домкино не только хорошо оборудованную кузницу, но и ветряную мельницу, а также лошадь, три коровы, шесть овец, каменный погреб и большой сад. Андрей Михайлович Коор (1866—?) из пустоши Петриха тоже владел ветряной мельницей и кузницей, он имел 30 га земли. Пётр Кузьмич Пинтман (1873—1938) из пустоши Ломы содержал на реке Ёглине двухпоставную водяную мельницу с лесопильным станком. В хозяйстве Маргуса Денисовича Меттуса (1857—?) из пустоши Домкино до коллективизации было 12,5 десятин земли, две лошади, 10 коров, 15 овец и 6 свиней. Ян Гендрикович Лухт (1873—?) из пустоши Ломы имел 16 десятин земли, две лошади, три коровы, быка, большой сад, кузницу, конную льномяльную и льнотрепальную машину. У Видо Адамовича Куньмана (1863—?) на хуторе в пустоши Домкино для домашнего скота был построен каменный двор, в его хозяйстве было 2 лошади, 6—7 коров, 4 поросёнка, 11 овец и ягнят. Карл Янович Нейман из пустоши Петриха тоже выстроил для скотины каменный двор, он имел 20,5 десятин земли, свою кузницу, 2 лошади, 4 коровы, 2 поросёнка и 8 овец. Август Алексеевич Добрус (1871—?) из пустоши Петриха в своём хозяйстве содержал 2 лошади, 3 коровы, 16 овец и ягнят, 2 поросёнка. Кристиан Самуилович Клаусон (1878—?) из пустоши Домкино имел 30 десятин земли, 2 лошади, 4 коровы, 2 поросёнка. Пётр Андреевич Клаус (1867—1930) из пустоши Домкино имел 17 десятин земли, лошадь, три коровы, 7 пчелиных семей и большой сад.

На современной территории Струго-Красненского района находились пустоши Кашкарово, Жуковское, Новая Желча, Ломы и Петриха, жители которых причислялись к Домкинской эстонской колонии. Известно, что в пустошь Новая Желча в 1866 г. из Перновского уезда переселился Гендрик Митт, в 1870 г. из окрестностей Ряпина – Петер Мьяртсон, а в 1872 г. из Верроского уезда – Юган Сикк. В пустоши Ломы в 1872 г. обосновались Ян Люль из Перновского уезда и Гендрик Якович Лухт из Юрьевского уезда, в 1875 г. – Якоб Юрьевич Пунгарт из Юрьевского уезда. В 1877 г. сюда из Юрьевского уезда перебрался Карл Янович Кару (1848—?), в 1885 г. – Карл Михкелев Сахарьяс (1826—?), а в 1888 г. из Верроского уезда – Пеп Мьяльтон. Также в пустоши Ломы поселились семьи Югана Ивансона, Густава Пинтмана, Йозепа Ряммера, Йозепа Коллома, Видо Цупсберга, Гендрика Лухта, Августа Рекка, Югана Германа, Яна Свистеля, Густава Ойланда. В пустоши Петриха обосновались семьи Яна Неймана, Александра Туха, Гендрика Добруса, Петера Эдусинга. В пустоши Кашкарово в 1866 г. уже проживала семья Югана Сикка, в 1882 г. – Югана Паппеля, в 1879 г. сюда из окрестностей Ряпина переселился Кристиан Гейдорф. В пустоши Жуковское в 1874 г. жили семьи Югана Сокка и Йозепа Сепмана, позднее здесь появились хутора Густава Вилликса, Карла Партса, Даниеля Рекка, Карла Крузе и Видрика Крузе. В 1920 г. в пустоши Новая Желча жили Ян Гендрикович Митт (1882—?), Пауль Юганович Сикк (1872—?), Гендрик Петрович Мьяртсон (1902—?), Оскар Юганович Сикк (1875—?) и др. В пустоши Ломы проживали Густав Янович Люль (1873—?), Август Яковлевич Пунгарт (1890—?), Густав Янович Аккерт (1887—?), Ян Юганович Эрман (1880—?), Ян Гендрикович Лухт (1873—?), Ян Карлович Сахарьяс (1878—?), Петер Пепович Мьяльтон (1865—?), Кристиан Карлович Кару (1878—?) и др. В 1918—27 гг. существовал Ново-Желченский сельсовет Узьминской волости, к которому относились поселения Домкино 2-е, Ломы, Новая Желча, Петриха, потом этот сельсовет передали в образованный Струго-Красненский район, а в 1931 г. он вошёл в состав Домкинского сельсовета. В сентябре 1926 г. в Ново-Желченском сельсовете проживали 485 эстонцев, они тогда составляли 66,8% от всего населения сельсовета.

С 1918 по 1924 г. существовал Домкинский сельсовет Гвоздненской волости, потом его передали в состав Дуброшкинского сельсовета. В 1920 г. в пустоши Домкино проживали: Ян Давыдович Мельберг (1867—?), Август Янович Сепп (1872—1938), Юганнес Александрович Добрус (1879—?), Александр Юганович Паульсон (1883—1937), Пауль Видович Куньман (1883—?), Гендрик Михайлович Кяхрик (1869—1937), Давыд Петрович Тислер (1870—?), Александр Александрович Гендриксон (1878—1937), Юганнес Осипович Мидри (1879—?), Юган Янович Нопассон (1864—?), Юлиус Янович Розе (1879—?), Людвиг Денисович Колга (1890—1938), Давыд Петрович Силла (1873—1938), Якоб Яковлевич Меттус (1856—?) и др. В 1918 г. Домкинское эстонское училище было преобразовано в Домкинскую эстонскую школу I-й ступени, в 1921 г. здесь обучалось 80 детей. До ноября 1921 г. в Домкинской школе учителем работал Юган Везо, затем Юганнес Паульсон. Домкинская церковь значилась в списках действующих храмов Гдовского уезда и Лужского округа в ноябре 1926 г. и в апреле 1930 г. Миральда Александровна Петмансон пересказала воспоминания своей мамы Розалии Ивановны Бриккер об убранстве Домкинской церкви в то время: «В 1930 г. на Рождество в церкви была установлена большая ель, были украшены и ель, и сама церковь. Дети водили хороводы, пели церковные песни. В убранстве церкви была большая картина „Распятие Иисуса Христа“. Выполнена на полотне чёрного цвета, очень красочная, „как живая“, люди приезжали из округи полюбоваться, отмечая её необычную красоту, даже в Луге картина уступала по красоте и естественности. Размещалась во всю стену напротив главного входа, была огорожена небольшим деревянным заборчиком высотой 40—50 см, балясины были выточены на токарном станке по дереву, на полу перед картиной было расстелено чёрное полотно. На стенах церкви были небольшие иконы, самотканые расшитые полотенца».

Известно, что с 1921 по 1925 г. кистером Домкинской церкви был Александр Иванович Кристов (1876—1938) из пустоши Жеребятино. В архивном документе за февраль 1934 г. сказано, что А. И. Кристов совмещал до 1925 г. должности «кистера, псаломщика, иногда и пастора». А. И. Кристова арестовали в июне 1937 г. и по приговору особой тройки при УНКВД по Ленинградской области расстреляли. В 1920 г. и с 1926 по 1928 г. кистером Домкинской церкви состоял Видо Адамович Куньман (1864—1943). В 1931 г. у В. А. Куньмана в пользу колхоза отобрали всю землю и дом с хозяйственными постройками, ему и его жене выделили для жилья одну комнату в общем доме, где жили другие колхозники. В архивных документах за 1930 г. «эстонским священником» и «активным церковником-кистером» Домкинской церкви значится Андрей (Гендрик) Карлович Мадисон (1903—1930) из пустоши Задорье, а про его отца Карла Яковлевича Мадисона (1870—1930) сказано, что тот «раньше был священнослужителем». В 1928 г. А. К. Мадисон был лишён избирательных прав «как кистер Домкинской церкви», в 1929 г. «за культ» его обложили индивидуальным налогом в 400 рублей. В феврале 1930 г. Андрей Карлович Мадисон вместе с отцом были арестованы органами ГПУ и в апреле того же года их приговорили к расстрелу.

С марта 1930 по март 1931 г. кистером Домкинской церкви являлся Леонард Густавович Педок из пустоши Зрекино, известно, что он здесь и раньше, начиная с 1929 г., в качестве ученика кистера проводил религиозные обряды. В июне 1930 г. кистер Леонард Педок вместе с приехавшим пастором провели в Домкинской церкви конфирмацию 310 человек. За это Л. Г. Педок в 1931 г. был обложен индивидуальным налогом в 500 рублей, в том же году его семью раскулачили. Председателем церковного совета при Домкинской церкви в то время был Денис (Тынис) Давыдович Колга (1864—?), который тоже проводил богослужения и церковные обряды, и хозяйство которого тоже было раскулачено. Посещал Домкинскую церковь и Карл Янович Нейман (1868—1930) из пустоши Петриха, но сам он являлся руководителем небольшой группы евангельских христиан. В 1930 г. К. Я. Неймана «как служителя религиозного культа» раскулачили, в том же году его арестовали и расстреляли по приговору тройки при Полномочном представительстве ОГПУ. В пустоши Кашкарово проживал Осип Кристиано-

вич Гейдорф (1863—?), он проводил обряды крещения и отпевания. В списке его имущества за 1920 г. значились Библия, три молитвенника, два церковных песенника.

В марте 1931 г. Домкинская церковь значилась ещё как действующая, а в 1933 г. уже была закрыта. Местные старожилы указывали вероятное время закрытия церкви в Домкино как 1931 г. Даже после закрытия Домкинской церкви лютеранское богослужение в пустоши Домкино не прекращалось. В мае 1933 г. проповедником лютеранской веры в Домкино значится кистер по фамилии Луйзе. Другим таким веропрповедником в Домкино был Генрих Петрович Мяртсон (1899—?) из пустоши Жеребятино. В архивном документе за февраль 1936 г. сказано, что Г. П. Мяртсон «до сих пор выполняет обязанности попа» и «является дьяконом (кистером)». В марте 1937 г. его арестовали и приговорили к 10 годам лишения свободы. После закрытия здание Домкинской лютеранской церкви использовалось как колхозный клуб. Картину «Распятие Иисуса Христа» успел спрятать один хуторянин, после открытия церкви в годы оккупации, в 1942 г., он возвратил картину в храм. Вот что вспоминала Миральда Александровна Петмансон о Рождественском празднике, устроенном во вновь открывшемся храме: «В 1942 году дети школы участвовали в Рождественском празднике, специально учили молитвы, стихи, песни, ставили сценку, церковь уже была бедно украшена, стены были почти голые, были домашние иконы и полотенца. Дети получили небольшие подарки-сладости». Летом 1943 г. в результате пожара в деревне Домкино были уничтожены все деревянные жилые строения и хозяйственные постройки, сохранились только бывший церковный амбар и пара хлевов. Каменные стены бывшей Домкинской церкви тоже выстояли, но картина «Распятие Иисуса Христа» бесследно исчезла. А вот школа, основанная практически одновременно с Домкинской евангелическо-лютеранской эстонской общиной, сгорела дотла.

На кладбище в Домкино. Вторая справа в первом ряду Миральда Валге. Фото ок. 1950 г.

В июле 1930 г. поселение Домкино из Дуброшкинского сельсовета Полновского района передали в состав Струго-Красненского района. Тогда же вновь был создан Домкинский сельский Совет, в который влился Ново-Желченский сельсовет. В 1930 г. при селеении Домкино был организован эстонский колхоз «Эдази» («Вперёд»). Часть Домкинских хуторов в марте 1930 г. объединили в эстонский колхоз «Пунане-Тяхт» («Красная звезда»), его центральная усадьба стала называться деревней Домкино 2-е, в 1933 г. здесь работала Домкинская школа колхозной молодёжи (с 1934 г. – Домкинская неполная средняя школа). В 1934/35 учебном году в Домкинской эстонской НСШ насчитывалось 80 учащихся и 7 преподавателей, в 1935/36 учебном году – 124 учащихся. В пустоши Ломы создали колхоз «Пунане-Ломы» («Красные Ломы»), а в пустоши Новая Желча – колхоз «По заветам Ленина». В пустоши Новая Желча ещё в 1927 г. работали Ново-Желченская эстонская школа I-й ступени и красный уголок. Пустошь Кашкарово вошла в состав колхоза «Пунане-Мяги» («Крас-

ная Гора»). На 1 января 1934 г. в Домкинском сельсовете проживало 986 эстонцев. На 1 января 1941 г. в деревне Домкино было 43 хозяйства и 114 жителей, в деревне Домкино 2-е – 25 дворов и 72 жителя, в деревне Новая Желча – 27 дворов и 84 жителя. После войны в Домкино вновь организованный колхоз был назван именем М. И. Калинина. В 1948 г. в Домкино было 16 хозяйств и 58 жителей, в числе которых были хозяйства Эдуарда Александровича Гендриксона (1873—?), Освальда Михайловича Валге (1889—1982), Гендрика Юрьевича Сарапсона (1864—?), Лианы Карловны Перк (1878—?), Аделии Ивановны Тислер (1881—?), Розалии Ивановны Мозин (1890—1973), Иды Давыдовны Сокк (1886—?), Розалии Ивановны Бриккер (1893—1969), Елизаветы Михайловны Субболь (1886—?), Ареты Эдуардовны Валге (1917—?), Паулины Осиповны Гендриксон (1904—?) и др. С 1951 г. в Домкино жила семья Эльмара Эдуардовича и Миральды Александровны Петмансон.

В Домкино 2-м в 1948 г. насчитывалось 16 хозяйств и 52 жителя, в Новой Желче – 19 хозяйств и 58 жителей. В 1948 г. в деревне Домкино 2-е жили семьи Густава Петровича Виллака (1875—?), Елены Петровны Вендик (1870—?), Марии Густовны Розе (1882—?), Эмилии Петровны Мяртсон (1896—?), Лины Осиповны Муст (1886—?), Густава Ивановича Люлля (1877—?), Алиды Яковлевны Мадисон (1892—?), Лизы Гендриковны Юкс (1873—?), Эдуарда Югановича Виллемсона (1908—?), Эмилии Богдановны Сикк (1910—?), Аделии Андреевны Хансон (1908—?), Ильмы Яковлевны Кряммер (1902—?), Армилии Карловны Мьяльберг (1904—?) и др. В 1950 г. колхоз имени Калинина укрупнился, в него влились колхозы «Пунане-Тянт» и «По заветам Ленина». В 1959 г. бригада Домкино вошла в состав колхоза «Красное Давыдово», а с 1965 по 1992 г. она относилась к совхозу «Звезда», центральная усадьба которого находилась в деревне Сиковицы. Деревня Домкино 2-е была снята с учёта в 1977 г., ещё ранее, в 1967 г., обезлюдела деревня Новая Желча. В 1975 г. в деревне Домкино было 18 хозяйств и 54 жителя, к 2016 г. число хозяйств сократилось до 9, а число постоянных жителей – до 10.

До нас здание Домкинской эстонской церкви дошло в изменённом виде. Алтарная часть церкви ориентирована на северо-запад. Здание сложено из камней-валунов, его углы, окна и двери обрамлены красным кирпичом. Первоначально в здании было шесть окон, они имели размеры примерно 2 метра в высоту и один метр в ширину. После войны два окна были полностью заложены, а остальные заложили примерно наполовину. С торца здания находится входная дверь с располагавшимся ранее над ней небольшим окном, их общая высота составляла около 3 метров. На юго-западном фасаде сохранилась небольшая дверь, которая вела из алтарной части храма на улицу, точно такая же дверь есть и на северо-восточном фасаде. Размеры бывшей Домкинской церкви снаружи примерно 10 метров в ширину и 16 метров в длину, они совпадают с размерами Задорьевской лютеранской церкви, описание которой сохранились в архивных документах. К тому же у обоих зданий одинаковое количество окон и дверей, возможно, что оба здания построены по типовому проекту. Сейчас высота каменной кладки стен бывшей Домкинской церкви составляет примерно 3,8 метра. В апреле 2019 г. жительница Санкт-Петербурга М. Рооз обнаружила в Центральном государственном историческом архиве проект молитвенного дома в селении Домкино. Этим проектом предусматривалось возведение молитвенного дома из булыжного камня без изменения прежнего вида, какой был у деревянного молитвенного дома. Расположение окон и дверей у сохранившегося здания точно такое же, как и в проекте. Кровля была по проекту двухскатная, как сохраняется и сейчас. Остаётся невыясненным вопрос о существовании колокольни, в проекте её нет. Раньше над входной дверью находилось помещение, на это указывает чердачное окно, устроенное на фронтоне кровли. Из церкви в это помещение вела деревянная лестница, возможно, что, это были хоры для певчих или здесь помещался орган, а возможно, что лестница вела далее, на небольшую колокольню. То, что колокол висел не внутри храма, а снаружи подтверждают воспоминания Розалии Ивановны Бриккер, когда она хоронила свою дочь в июне 1930 г., то в деревне

Дуброшкино, находящейся от Домкино в 4-х км, слышался колокольный звон со стороны Домкинской церкви. Не исключено, что строители отошли от проекта и всё-таки возвели колокольню, а возможно, что колокол висел в специальном открытом проёме, устроенном во фронтоне кровли, над главным входом в церковь.

После Великой Отечественной войны здание Домкинской церкви приспособили под коровник, сначала здесь стояла группа коров, потом были на откорме нетели. С 1975 г. в здании бывшей церкви некоторое время держали овец, потом лошадей, затем здесь находились на откорме нетели, с начала 1990-х гг. оно пустует. По воспоминаниям старожилов якобы раньше здание церкви было выше, мол, в послевоенные годы часть каменной кладки сверху разобрали, сделали новую деревянную кровлю и покрыли её шифером. Однако, сравнивая сохранившееся здание с проектом, с уверенностью можно сказать, что верхние ряды кладки не разбирали, просто церковь за более чем сто лет «вросла» в землю. Первоначально перед главным входом в церковь было крыльцо из трёх ступеней, которое к настоящему времени скрылось под землю. Вот поэтому-то раньше стены церкви и казались выше. Большую часть внутреннего пространства Домкинской церкви занимал молитвенный зал. Алтарь отделялся от молитвенного зала невысоким деревянным ограждением с балясинами. Прежнее внутреннее убранство давно безвозвратно утрачено. Здание Домкинской эстонской церкви необходимо сохранять как памятник культовой архитектуры местного значения. Если здание лишится кровли, то начнут разрушаться стены, и мы потеряем уникальную культовую постройку навсегда.

В послевоенное время для крещения детей и отпевания усопших в Домкино приглашали жительницу деревни Задорье Альвину Густавовну Вальсон (1909—1981). Вплоть до 1991 г., когда была закрыта граница, из Эстонии в Домкино в день Святой Троицы приезжали пастор и уехавшие туда на жительство бывшие деревенские жители и их потомки. Для этого нанимали автобус, иногда два автобуса, кто-то приезжал на своих машинах, ночевали у знакомых и родственников. В день Святой Троицы они проводили богослужение в часовне на Домкинском кладбище, поминали молитвами усопших. Пастор посещал дома, тех, кто по болезни не мог присутствовать на богослужении в Домкинской часовне. Год постройки этой часовни выяснить не удалось, по рассказам старожилов известно только то, что она существовала ещё в довоенное время. Старая часовня была полуоткрытой, с двухскатной кровлей, была выкрашена в красно-коричневый цвет и имела украшение в виде резьбы. Верующие лютеране называли часовню «певальней» (от слова «петь»), здесь враспев читались молитвы и произносились проповеди, внутри имелась подставка для богослужебных книг – пюпитр. Во время богослужения в часовне находились не только пастор, но и верующие. Для тех верующих, которые не смогли поместиться в часовне, вокруг стояли скамейки.

О. М. Валге возле часовни на кладбище в Домкино. Фото конца 1970-х гг.

После того, как старая часовня на Домкинском эстонском кладбище обветшала, житель деревни Домкино Освальд Михайлович Валге (1889—1982) в 1975 г. построил новую деревянную часовню. О. М. Валге устроил её на том же месте, где стояла старая часовня, он постарался повторить все архитектурные детали старой часовни, но по сравнению с ней новая часовня получилась меньших размеров. Во время приездов пастор, проводивший богослужение, стоял внутри часовни у пюпитра, а остальные верующие располагались вокруг часовни на скамейках. Низ часовни и фронтоны двухскатной кровли были покрашены в красно-коричневый цвет, столбы, удерживавшие кровлю, – в зелёный цвет, а резьба – в белый цвет. Часовню построили на собранные деньги уехавших в Эстонию местных жителей, в основном, из Тарту. С разрешения директора совхоза «Звезда» Валентина Эрнестовича Ханзинга (1931—2007) были заготовлены необходимые пиломатериалы, он же помог с доставкой шифера к месту строительства часовни. Доски и брус на пилораме напилит Эльмар Эдуардович Петмансон, он же помогал О. М. Валге с тяжёлыми работами. Освальд Михайлович Валге в молодом возрасте жил с родителями в пустоши Черновато. После женитьбы, с 1929 г. проживал в Домкино. Он был хорошо знаком с известным эстонским режиссёром Тынисом Гансовичем Каском (1929—2016). В 1970-е гг. Тынис Каск приезжал в Домкино, по его просьбе О. М. Валге написал воспоминания о своей жизни.

Последняя лютеранская служба в Домкинской часовне состоялась в 1991 г., в день Святой Троицы, тогда из Эстонии приехала группа молодых людей, они привезли с собой музыкальные инструменты, пели в часовне и читали молитвы на могилах по просьбам родственников, обещали обязательно приехать ещё, но из-за закрытия границы этого не произошло. После смерти Альвины Густавовны Вальсон обряды отпевания совершала жительница деревни Домкино Миральда Александровна Петмансон. Она проводила в последний путь в 2010 г. Эдуарда Эрнестовича Ханзинга и в 2011 г. своего сына Вальтера Эльмаровича Петмансона, по памяти читала молитвы в день Святой Троицы на могилах. Домкинская часовня сейчас сильно обветшала, она покосилась на один бок, но пока держится за счёт оплётших её веток черёмухи. Внутри по-прежнему стоит пюпитр. Четырёхконечного креста, венчавшего ранее кровлю, уже нет. Это последняя сохранившаяся лютеранская часовня на Стругокрасненской земле.

За последние годы на Домкинском кладбище нашли своё последнее пристанище Эльмар Эдуардович Петмансон (1924—1988), Алида Денисовна Валге, урождённая Меттус (1896—1988), Ида Эдуардовна Теннокин, урождённая Ойнус (1911—1992), Эрна Александровна Пунина, урождённая Бриккер (1925—2004), Владимир Кузьмич Добров (1932—2007), Вален-

тин Эрнестович Ханзинг (1931—2007), Эльвина Иоганновна Тенно (1912—2010), Рахильда Арнольдовна Александрова, урождённая Теннокин (1935—2017), Миральда Александровна Петмансон (1930—2018) и др. К середине 2018 г. в деревне Домкино остался только один постоянный житель с эстонскими корнями – Рихард Эльмарович Петмансон (1963 г. рожд.). Миральда Освальдовна Гаврилова (1931 г. рожд.) с 2014 г. проживает в деревне Сиковицы у своей дочери Ирины Ивановны Петмансон (1959 г. рожд.) и её мужа Геннадия Эльмаровича Петмансона (1957 г. рожд.).

Народная память сохранила названия нескольких хуторов, располагавшихся в окрестностях Домкино: Миттов хутор, Гейдорфов хутор, Клаусонов хутор, Кристов хутор, Бриккеров хутор, Колгин хутор, хутор Куньмана, хутор Карупа, хутор Клауса и др. В пустоши Жуковское, около реки Ёглинки стоял хутор Петера Кийска, здесь работала водяная мельница. На хуторе Югана Митта, который владел ветряной мельницей, сохранился каменный погреб. На хуторе Куньмана близ Домкино и на Неймановом хуторе в урочище Петриха видны развалины каменных дворов.

Пустошь Задорье

В 5,5 км к юго-востоку от деревни Домкино расположена деревня Задорье. Сейчас прямой дороги из Домкино в Задорье нет, и чтобы туда попасть, надо сделать крюк в 13 км через деревни Давыдово и Борки. Первыми переселенцами в пустоши Задорье (Sadorje) были выходцы из Лифляндской губернии, в основном, из окрестностей Ряпина, Пельвы, Вериоры, Хельме, Моосте и Вынну (совр. уезды Вырумаа, Валгамаа и Тартумаа Эстонии). В 1869 г. из Феллинского уезда в пустошь Задорье переселился Ганс Сеппор, в 1872 г. из Верроского уезда – Самуил Янович Рузе, в 1874 г. из окрестностей Ряпина – Ян Тирик. В 1875 г. из Верроского уезда в эти места перебрался Гендрик Сольнаск, а в 1876 г. из Юрьевского уезда – Генрих Валк. В 1872 г. в пустоши Задорье приобрели землю остзейские уроженцы Михкель и Август Рузе, а в 1876 г. – остзейские уроженцы Ян и Якоб Адосон. Известно, что в 1870 г. здесь уже проживали семьи Якоба Мадисона и Петера Сольнаска. В 1882 г. в Задорьевскую пустошь из Верроского уезда переселился Ян Янес. Впоследствии в пустоши Задорье появились хутора Якоба Адамсона, Петера Петмансона, Яна Уста, Югана Кихо, Якоба Мадисона, Петера Тигазинга, Йозепа Пароварде, Яна Пароварде, Густава Кютика, Августа Везу, Оскара Везу, Отто Кярга, Йозепа Нарусбека, Йозепа Валка, Густава Мьяльтона, Карла Луйка, Давида Цупсмана, Яна Карпы, Густава Консвека, Яна Ватсера, Карла Цупсберга, Якоба Парента, Петера Уста, Гендрика Парента, Якоба Нарусбека, Петера Педока, Гендрика Киви, Яна Виллемсона, Михкеля Олеска, Яна Вормана, Генриха Лухта, Петера Парента, Яна Торка, Видо Вальдсона, Петера Коллома, Карла Кару, Адама Восмана, Яна Сарепу, Гендрика Валка, Иоганна Коозапойка, Яна Нарусбека, Петера Пунгарта, Карла Лухта, Адама Кярнетса, Яна Теговаса и др.

В 1880 г. в пустоши Задорье Узьминской волости был построен деревянный эстонский евангелическо-лютеранский школьно-молитвенный дом, он был приписан к Гдовскому приходу Святой Троицы. С 1881 г. школьным учителем-кистером в Задорьевской общине служил Кристиан Метс, который ещё в 1876 г. приобрёл землю около ближайшей деревни Давыдово, затем до 1895 г. учителем-кистером был Ян Кярик. С 1896 по 1900 г. обязанности учителя-кистера исполнял Ян Лаусон. Известно, что пустошь Задорье два-четыре раза в год посещал пастор Гдовского прихода Йоханнес Гаумбольдт. В промежутках между приездами пастора обряды крещения, а также отпевание усопших по нужде совершали не только кистеры, но и простые прихожане Задорьевской общины, среди которых в метрических книгах Гдовской евангелическо-лютеранской церкви за 1882—85 гг. значатся Андреас Пиху, Йозеп Тигазинг, Гендрик Лухт, Адам Омри, Иоганн Киротоск, Михкель Олеск, Рейн Тигазинг, Гендрик Метсавахт. Усопших хоронили на Домкинском эстонском кладбище, в то время там были похоро-

нены жители пустоши Задорье Анна Якобсон (1836—1881), Анна Терри (1809—1882), Ганс Виллемсон (1839—1883), Леена Адосон (1873—1882), Анна Валк (1874—1882) и др. Своё кладбище в Задорье появилось после 1916 г.

В 1911 г. вместо сгоревшего в результате пожара деревянного школьно-молитвенного дома построили каменную лютеранскую церковь. С 1900 г. в Задорьевской церкви служил учитель-кистер Ян ПANNELЬ. В 1894—1916 гг. обряды крещения и отпевания в Задорье по нужде совершали простые миряне Якоб Мадисон, Ян Торк, Карл Янес, Якоб Сольнаск, Гендрик Лаосон, Якоб Сава, Юган Адамсон, Гендрик Кюттик и Ян Тензон. В 1918 г. в пустоши Задорье проживали 80 семей общим числом около 500 человек, здесь находились церковь, школа, действовал торгово-потребительский кооператив. Среди жителей пустоши Задорье в 1920 г. значатся Видо Петрович Уст (1873—?), Александр Янович Теговас (1883—?), Петер Густавович Консвек (1882—1937), Ян Яковлевич Сольнаск (1887—?), Ганс Гансович Сеппор (1871—?), Карл Янович Пунгарт (1878—?), Август Самуилович Рузе (1883—1938), Юган Иванович Кихо (1870—?), Ян Осипович Пароварде (1871—?), Петер Генрихович Валк (1857—?), Йозеп Янович Нарусбек (1874—?), Петер Янович Тирик (1894—?), Ян Петрович Уст (1870—?), Оскар Петрович Валк (1875—?), Людвиг Янович Криземан (1887—?), Карл Янович Тирик (1878—?), Роберт Самуилович Рузе (1872—1937), Эдуард Осипович Валк (1879—?), Юлиус Янович Адосон (1894—?), Юганнес Карлович Пунгарт (1902—?) и др. Очень зажиточным был Юган Иванович Кихо, в 1920 г. у него было стадо из 60 дойных коров. Вольдемар Петрович Валк в своём хозяйстве держал 5 лошадей и 8 дойных коров. Ян Осипович Пароварде имел 26 десятин земли, сад из 10 яблонь, льнотрепальную и льномяльную машину, из скотины: лошадь, жеребёнка, 2 коровы, нетель, 3 овцы, 4 ягнёнка, поросёнка и 2 подсвинка. Из числа построек на его хуторе стоял каменный хлев, имелся свой каменный погреб. Карл Янович Тирик с братьями Петером и Яковом имели 28 десятин земли, 2 лошади, 4 коровы, 2 нетели, 15 овец, 6 свиней, 14 куриц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.